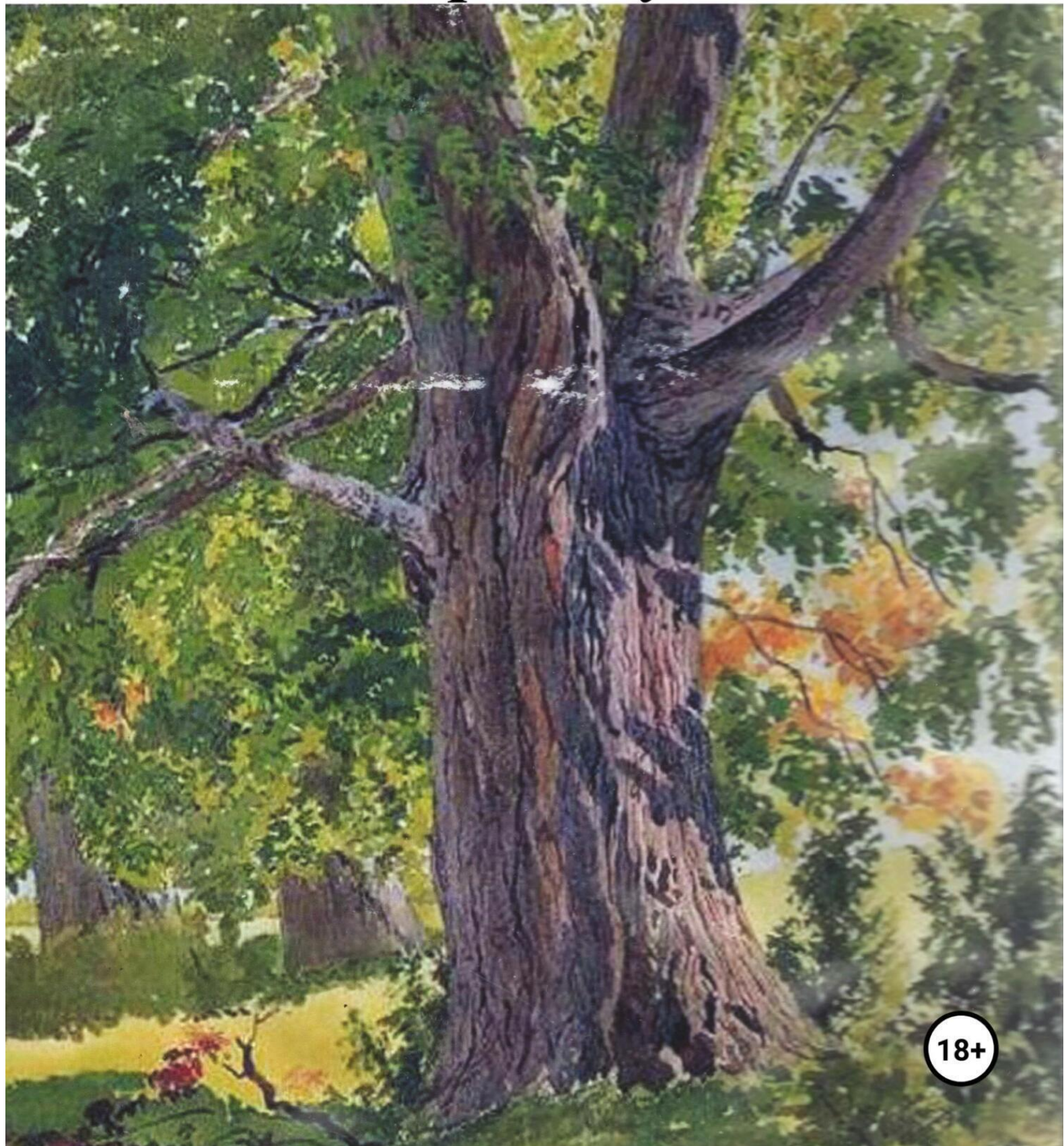

Галина Комар

*Тайна
старого дуба*

18+

Галина Комар

Тайна старого дуба

«Автор»

2025

Комар Г. Н.

Тайна старого дуба / Г. Н. Комар — «Автор», 2025

Любовный приключенческий роман «Тайна старого дуба» предназначен для целевой аудитории старше шестнадцати лет. Жизнь Леонида Стрельцова, младшего сына потомственного лесника, полна приключений и опасностей. Передаваемая из рода в род легенда о сокровищах речного пирата, водившего дружбу с Лениным праотцом Дмитрием, возбуждала интерес всех последующих поколений. Вот и Лёню с раннего детства захватила часто рассказываемая отцом история его предков. Он с малых лет исходил едва ли не все окрестные леса в поисках таинственного клада, а разгадка оказалась рядом.

© Комар Г. Н., 2025

© Автор, 2025

Галина Комар

Тайна старого дуба

– Пап, ты в лес?.. Клад искать, да? – спросил отца семилетний Лёня, наблюдая, как тот в свой выходной собирается куда-то. – Возьми меня с собой, а!

– Не могу, сынок. У меня совсем другие дела, – пояснил Василий сынишке с усмешкой. – Да и негоже в лесу по сугробам лазить.

В роду Стрельцовых из поколения в поколение передавалось предание, будто их дальний предок, лесник по имени Дмитрий, был связан с речными пиратами, промышлявшими на Волге грабежами и разбоями, водил дружбу с главарём, содействовал тому в укрывательстве сокровищ во вверенных ему лесах. Так продолжалось, пока пират не влюбился в красавицу-жену Дмитрия, не соблазнил её. Вот тогда-то между молодыми людьми началась вражда. Страсти разгорелись, когда лесничий из мести перепрятал все драгоценности, припасённые сотоварищем-соперником для личных нужд. Они бились не на жизнь, а на смерть. Дмитрий убил бывшего друга, но и тот смертельно ранил его. Истекающего кровью лесника нашли возле его дома. С тех пор минуло много лет. Было немало желающих разыскать несметные сокровища пирата, однако все попытки не увенчались успехом.

Овдовевшая жена Дмитрия, согласно семейному преданию, родила мальчика и со временем вышла замуж за состоятельного ремесленника. Детей от второго брака у неё не было. Был ли её сын рождён от законного мужа – так и осталось загадкой. Бог наградил Марфу множеством внуков и правнуков, однако по большей части рождались девочки, и фамилия Стрельцовых постепенно искоренялась. Василий и его сыновья стали последними её носителями из этого рода. Глава семейства не единожды рассказывал своим мальчикам о пиратских сокровищах. Не по годам серьёзного и рассудительного Володю, унаследовавшего не только серо-голубые глаза и русые волосы матери, но и черты её характера, не слишком интересовала эта сомнительная история. А вот непоседливого, вездесущего его младшего братца Лёню, так похожего на кареглазого темноволосого отца, идея поисков клада захватила целиком – сорванец просто бредил ею! Шустрый и смелый до безрассудства, как и отец в детстве, да ещё и с необузданной фантазией, он держал родичей в постоянном напряжении. Василия называли в юности бедовым, а его младшего сына – бедолагой.

– Вов, возьми меня на лыжах кататься, – обратился пострел к десятилетнему брату после ухода отца.

– Мы с ребятами на очень крутые горки собрались. Ты там шею себе свернёшь или конечности переломашь, а мне за тебя отвечай, – отмахнулся Володя.

– Вечно так! Никому я не нужен, никто меня не любит, – запричитал Лёня.

– Тебя и в самом деле отпустить опасно. Снегу за ночь вон сколько навалило! Провалишься в сугроб – где тогда тебя искать?.. Займись чем-нибудь дома, – дала совет мать, укладывая перед зеркалом свои длинные русые волосы, закрепляя причёску шпильками.

Клавдия была под стать Василию рослая и стройная. Она имела правильные черты лица, но не блистала броской красотой, зато излучала спокойствие, добродушие и нежность. Она как бы светила изнутри, однако могла быть и строгой.

Слоняясь по трёхкомнатной квартире, Лёня вдруг вспомнил о смастерённом братом большом бумажном змее. Он приложил немало усилий, чтобы разыскать его на шифоньере, а когда нашёл, радости не было предела. Ему так не терпелось испытать его в полёте, что он выскочил на открытый балкон, не надев тёплую одежду. Пущенный по ветру бумажный змей весело запарил в воздухе – и вдруг из-за внезапного порыва ветра его понесло ввысь, и он

зацепился за антенну у самой крыши. Лёня дёргал верёвочку и так, и сяк, но она никак не отцеплялась. Решив попробовать отсоединить змея с помощью палки, пострел забрался на старую шаткую табуретку, поставленную возле ограждения, и, поднимаясь на цыпочки, принялся снова и снова делать тщетные попытки. Неожиданно ненадёжная табуретка под ним накренилась, и Лёня стремительно полетел вниз с самого верхнего пятого этажа, не издав ни звука!

Идущий мимо дома сосед и друг семьи, Алексанин Матвей, увидел мелькнувшего перед глазами падающего ребёнка. У него сердце зашло от страха за полуодетого малыша, когда тот исчез в сугробе. Бежать домой за лопатой не было времени. Благо на собственном балконе третьего этажа стояла его семилетняя дочка. Ниночка всё видела и сбросила отцу лопату. Зима в этом году выдалась снежная – только минувшей ночью выпала чуть ли не метровая толща! – однако Матвею удалось довольно быстро вызволить из снега продрогшего, но, слава Богу, не получившего увечий бедолагу. Разгребая сугроб, он уже догадывался, кто именно вывалился с балкона пятого этажа.

Клава занималась готовкой обеда, когда в дверь неожиданно позвонили.

– Это, случаем, не ваша пропажа? – обратился к ней не без нотки насмешливости коренастый молодой человек, распахивая полы куртки и показывая мальчика, пригревшегося у него на груди.

У Клавдии ноги подкосились, но она устояла, ухватившись рукой за дверь. Матвей сам занёс Лёню в квартиру и, усадив на диван, накрыл содранным с кресла пледом.

– Спасибо большое, Матюш, – поблагодарила его хозяйка, обретя дар речи.

Пробыв в снегу некоторое-то время в лёгкой одежде, пострел отделался незначительным насморком, даже школу ни дня не пропустил. Его одноклассница соседка Ниночка долго потом подтрунивала над ним, напоминая, как он свалился с балкона, а её папочка вытаскивал его из сугроба.

Злоключения сопровождали Лёню всё его детство и юность, начиная с полуторагодовалого возраста, когда Клава, оставив детей на улице под присмотром мужа, зашла в детскую молочную кухню за питанием. Засмотревшись на стройные девичьи ножки, её муженёк не заметил, как Лёня, будучи непоседой, навалился на передок коляски, и та вместе с ним стала переворачиваться. Выпадая с насиженного места, малыш полетел лицом вниз прямо на острую скобу для очистки обуви. Мечтателя отрезвил вскрик старшенького сыночка. Он успел подхватить кроху в самый критический момент. Тот лишь чуток поранил лобик. Подобные события стали для Лёни обыденными явлениями.

В подлеске, где бабки частенько выгуливают коз, после дождя появилось множество шампиньонов. Восьмилетний Лёня с радостью принял приглашение Алексаниных пойти с ними за грибами. Как и следовало ожидать, без происшествия там не обошлось – его потеряли! Мальчика хватились довольно быстро. Во время не слишком продолжительного поиска его обнаружила Ниночка. Услышав некое подобие крика, девочка присмотрелась и увидела неподалеку от себя из последних сил держащегося за обломленный сук дуба друга. Оцепенев от страха, он не в состоянии был вымолвить ни слова! Нина позвала отца, и он помог мальчику спуститься на землю.

– Какого лешего тебя понесло на дерево? – поинтересовался Матвей у хлопчика.

– Папа говорил, что в этом лесу спрятаны драгоценности, принадлежащие нашим предкам, – выдал Лёня семейную тайну.

– Нашёл? – спросил Нинин отец, улыбнувшись от уха до уха.

Он знал Василия много лет. Они вместе учились в лесном техникуме, работали на одном заводе и одновременно получили квартиры в новостройке. Им не раз приходилось выпивать в одной компании. Его дружок был мастак на разные байки, рассказывал их во время застолий, всякий раз привирая по-новому и с новыми подробностями, а вот о фамильных драгоценно-

стях Матвей от него никогда не слыхивал. Впрочем, Василий был неистребимым выдумщиком и мог сочинить что-нибудь в любое время.

– Я залез рукой в дупло, а там гнездо какой-то птицы. Она как долбанёт меня клювом! – поведаль досадливо Лёня, показывая кровотокающую ранку на тыльной стороне ладони. – От неожиданности я потерял равновесие и чуть не упал. Мне удалось ухватиться за ветку, но она обломилась, однако я смог перехватиться другой рукой за сук и удержаться. Наступить ногой оказалось некуда, а прыгать было высокомерно, и вдобавок у меня голос пропал – вот я и держался, пока вы меня не обнаружили.

– Да... дела!.. Если бы тебя не увидела Нина, то твоё лихачество могло обернуться бедой, – заключила Александра, мама его подружки, глядя на спасительный сук.

Сняв с головы ситцевый платок, она оторвала от него полосу ткани и, приложив к ранке мальчика дубовый лист, вымытый питьевой водой из бутылки, забинтовала его ручонку.

Этот день стал для Лёни особенно памятным: вернувшись из леса, мальчик впервые увидел, как ссорятся родители. Он заметил, что с той поры как отец уволился с завода и начал работать лесником, отношения между родителями стали разлаживаться, что при взгляде на отца глаза матери тускнеют, но чтоб они так раскинулись!..

В деревне, где Клава жила до замужества, выбор женихов был невелик. Будучи девятнадцатилетней девушкой, она вышла замуж практически за первого встречного: двадцатипятилетнего красавца, приехавшего в их селение со своей матерью погостить к тётушке. Он был первым посватавшимся к ней парнем. Это была идея его матушки и её сестрицы поженить их! Клаве он понравился. Василию тоже прихотелась по душе скромная работающая девушка. Поначалу всё было вроде бы замечательно, но, когда жёнушка забеременела вторым ребёнком, Вася стал поглядывать на сторону, что не ускользнуло от внимания его благоверной. Ради сыновей она делала вид, будто ничего не замечает, однако терпение её оказалось не безмерно.

Когда этим утром позвонила Клава сослуживица, к телефону подошёл Василий.

– Тебя, – сказал он, протягивая ей трубку.

– Вика попросила отработать за неё смену. С её матерью случился сердечный приступ, – пояснила она, отреагировав на вопросительный взгляд мужа, и стала по-быстрому собираться.

– На вашей птицеферме ты единственная ко всякой бочке затычка, да? – спросил он с ехидцей. – Мы же к Володе в лагерь собирались, – напомнил Василий.

– Езжайте с Лёней без меня. Надо выручить хорошего человека.

– Без тебя не пойдём, – наотрез отказался не очень-то расстроившийся муженёк.

Когда Клава явилась на работу, оказалось, что Виктория вышла сама.

– Я тебе перезвонила, хотела предупредить, что надобность в подмене отпала, но трубку никто не взял, – виновато оправдалась девушка. – Ты, по-видимому, была уже в пути, а домохозяцв твоих, похоже, в квартире не было. Ко мне только что сестричка приехала. Она-то и осталась присматривать за больной мамой. Кризис, похоже, миновал. Фельдшерица со скорой помощи сделала ей укол, а ехать в больницу матушка отказалась. Прости, что взбаламутила тебя и сорвала твои планы.

– Ничего страшного. День только начинается, выходной не потерян.

Клава шла домой и думала, что они с мужем и младшим сынишкой ещё успеют до обеда навестить Володю, а на ужин она побалует домохозяцв чем-нибудь вкусненьким. Мысли её прервал оклик знакомой молочницы, тётки Тамары:

– Клав, чего за молоком не приходишь?

– Да мне Маруся домой приносит два раза в неделю.

– Уж не Прусакова ли?.. Не Васьки ли твоего любовница? – спросила с ехидцей пожилая женщина. – Так ведь я тоже могла бы домой к вам носить. Или козочки, вскормленные травами возле лесного домика, дают более вкусное молочко?

– Ну что вы такое говорите, тётъ Тамар?! – возмутилась Клава, стараясь не показать своё глубокое потрясение.

– А ты не знала?.. Да эта рыжая бестия и её худосочная белобрысая соседка, Лизка Парашина, из-за твоего муженька того и гляди глотки друг дружке перегрызут! Он им коз в лесу пасти просто так, по-твоему, позволяет?.. Меня вон штрафами замучил, а их козам, стало быть, можно обгрызать деревья в благодарность за доставляемое ему удовольствие!

– Вы над ними свечку держали? – спросила Клавдия не без иронии.

– Конечно же, нет!.. – растерявшись, выпалила женщина, но очень быстро пришла в себя. – Я и так всё знаю наверняка. Твой благоверный едва ли не каждый день с Маруськой в лесничем домике милуется. Мне не единожды доводилось видеть, как они заходят туда в обнимку и по часу торчат там. А козы её в это время кусты вокруг избушки обгрызают!

– Вы полнейшую чепуху несёте, – отмахнулась Клава и пошла прочь от чрезмерно болтливой всезнайки.

Когда она пришла домой, ни Василия, ни сына там не было. Ни минуты не раздумывая, Клава вытащила с балкона велосипед и с тяжёлым сердцем покатила в уединённую лесную хижинку, где зачастую пропадал её мужёнок.

На подходе к избушке она заметила трёх пасущихся коз, одна из которых обглаживала молодую берёзку, а ещё увидела мопед мужа. Чтобы не спугнуть сладкую парочку своими шорохами, Клава оставила велосипед в некотором отдалении от домика. Потихоньку подкравшись к избушке, она услышала до боли знакомый смех мужа и залиvistый хохот его подружки.

– Неужели Клава ни о чём не догадывается? – донеслись до неё слова Маруси, как только она слегка приоткрыла дверь. – Твоя благоверная и про Лизку ничего не знала? – хихикнув, поинтересовалась довольная соперница.

– Лизка – давно пройденный этап. Когда это было!.. Твой-то Санёк ведь тоже ни сном ни духом не ведает о наших проделках, – со смешком напомнил подружке Василий, шаловливо скользя ладонями по её обнажённым бедрам под юбку и как бы ненароком оголяя женские прелести. – Ты что?.. Обиделась, да? Иди ко мне... – сказал он и без того сидящей у него на руках Марусе.

Поднявшись с сидения вместе с обхватившей его стан ногами любовницей, словно она ничего не весила, он усадил её на стол и принялся расстёгивать свои брюки.

– Да, Марусенька, иди к нему, – распахнув дверь, поддакнула мужу Клавдия. – Терять вам обоим всё равно больше нечего. Теперь уж точно твой благоверный обо всём узнает и, скорее всего, выгонит тебя, изменницу, из дома, ведь детей-то у вас с ним нет. Думаю, отныне вы с Васенькой оба свободны.

– Что ж, обживайтесь здесь, – обратилась она уже к мужу. – А я вещички твои пойду собирать. Придёшь за ними, когда вдоволь насладитесь друг другом.

Внешне Клава казалась невозмутимой. Ни один мускул не дрогнул на её лице, тогда как внутренне она пылала гневом, и сердце её обливалось кровью.

Пока ошеломлённые любовники одурело таращили друг на друга глазки, она вышла, потихому прикрыв за собой дверь. Когда пришедший в себя Василий выскочил из избушки, Клавдия уже спряталась за кустами, где оставила велосипед. На оклик мужа она не отозвалась. Ему оставалось лишь вернуться в домик, где его пассия, осознав весь ужас произошедшего, заливалась горячими слезами.

– Хватит реветь, – рявкнул совсем недавно бывший с ней невероятно нежным любовник.

– Легко говорить!.. Тебе-то хуже уже не будет, а вот если твоя жёнушка обо всём расскажет моему благоверному, он семь шкур с меня спустит. Убить не убьёт, а калеккой сделает, – запричитала Маруся, кидаясь ему на грудь.

– Я поговорю с ней. Не изверг же она!.. Клава добрая душа. Она ничего ему не скажет, – отцепив от себя зазнобушку, произнёс он без твёрдой уверенности. – Милая, иди, паси коз. Мне надо домой вернуться, необходимо с супругой разобраться...

Пока Василий успокаивал подруженьку, его жёнушка изо всей мочи крутила педалями. Когда он вломился в свою уютную квартиру, она энергично забивала второй чемодан его вещами. В глазах её не было ни слезинки.

– Клав, ну прости ты меня окаянного. Бес попутал! Всякое в жизни бывает, я же мужик всё-таки.

– А я женщина и, между прочим, мать твоих детей. В каком законе писано, что жёны обязаны терпеть любовные похождения мужей? – задала она риторический вопрос монотонным голосом. – Подумать только!.. Ты даже и не думал предохраняться! Завтра же схожу к гинекологу, проверюсь, не наградил ли ты меня какой-нибудь заразой, подцепленной от Маруси, Лизы или ещё от какой-нибудь развратной сексуально-озабоченной особы.

– Так ты весь наш разговор подслушала? – спросил изумлённый Василий.

– Подслушала, подслушала. Это не большой грех, чем прелюбодеяние, – ответила Клава, окинув его безучастным взглядом. – Вообще-то о Лизке я ещё до вашего откровения знала и о твоих отношениях с Марусей тоже была наслышана, да и о других зазнобах догадывалась. Всё надеялась: одумаешься, остепенишься, однако горбатого только могила исправит. Всему приходит конец – вот и моё терпение лопнуло.

Как муженёк ни старался, ни лебезил, а Клава не поддавалась ни на ласки, ни на уговоры.

– Скажи, с какой стати я должен уходить из собственной квартиры? – возмутился изменник, поняв, что его попытки смягчить жёнушку безуспешны, и стал судорожно выбрасывать из чемоданов аккуратно уложенные вещи.

– Хорошо. Живи пока в бывшей нашей спальне, а я буду спать в детской, на Вовиной кровати. Всё равно его нет, – рассудила Клава.

– А что потом?

– А потом будет развод и размен квартиры, – заявила она, сохраняя спокойствие, словно речь шла о пустяках. – Тебе, вероятно, полагается четвёртая часть жилплощади, то есть почти ничего, – ошеломила его жёнушка.

– Мам, вы с папой разводиться собираетесь, что ли? – спросил бесшумно вошедший в дом и слышавший их перепалку Лёня.

– Да, сынок. Но для тебя и Вовы ваш отец по-прежнему останется папой, так что ты особенно-то не переживай, – попыталась успокоить его Клавдия.

– Обедом-то хоть накормишь? – спросил Василий заискивающе, решив замять тему, дать ей время одуматься.

– Можешь пока питаться тем, что есть в доме, раз уж я вынуждена терпеть тебя здесь какое-то время, но никаких деликатесов от меня не жди. И своё бельё стирай сам.

– Что у тебя с рукой? – перекинула она внимание на сынишку.

– Ерунда, мам, петух клюнул, – солгал Лёня.

Клава размотала повязку, выбросила её в мусорное ведро вместе с дубовым листочком. Ранка была небольшая, но, похоже, довольно глубокая. Пока она обрабатывала её йодом и меняла повязку, мальчик ни разу не ойкнул, хотя и было больно.

– Где это у нас на улицах дубы растут? – спросила она сынишку, посмотрев на него испытующим взглядом.

От необходимости придумывать очередную небылицу пострела избавил отец.

– А как же мой день рождения в ближайшую субботу? – задал он вопрос Клаве, отвлекая на себя её внимание.

– Всего-то приглашены три пары. Сварганю чего-нибудь на скорую руку. Считай это моим прощальным подарком.

Пообедав, семейство отправилось навестить Вову. Мальчик был рад приходу родичей и принесённым гостинцам. Всё было как обычно: мать с отцом пошучивали, стараясь ободрить его, интересовались лагерными делами. Он не почувствовал особенного разлада между ними. Клава зорко следила, чтобы Лёня не проговорился о предполагаемом разводе. Она не хотела, чтобы Вова переживал, находясь в лагере. Он ведь мог и сбежать оттуда, мучаясь сомнениями. Младший сын между тем успокоился, решив, что угрозы матери – нелепость, что она просто решила приструнить разгулявшегося папу.

По возвращении из лагеря Лёня остался играть возле дома с друзьями, а Клава занялась наведением порядка в квартире и одновременно приготовлением ужина. Василий же устался на экран телевизора. Там показывали смешную комедию, только мысли его были заняты совсем не фильмом.

– Клав, ты ведь не расскажешь Прусакову о сегодняшнем инциденте? – спросил он жёнушку, войдя на кухню, чтобы якобы попить водички.

– Специально докладывать не побегу, но при случае поведаю. Так и передай своей любимой.

– Если Сашка узнает, Марусе не поздоровится. Он и так поднимает на неё руку, а по такому поводу может и покалечить. Это будет на твоей совести.

– Так забери её в ваше любовное гнёздышко, совестливый ты наш, защити свою зазнобушку, если настоящий мужик. Оберегай, охраняй её. Пусть, наконец, разведётся с Сашей, коль он такой изверг. Их ведь по большому счёту ничего не связывает!.. Я-то с какой стати должна её жалеть?

Ничего не ответив, Вася вернулся в гостиную. У него почему-то появилась уверенность, что его рассудительная жёнушка не выполнит угрозу, хотя и очень зла на его любовницу.

Открывая утром входную дверь, Клава никак не ожидала увидеть Васиной пассию! Как повелось по понедельникам, Маруся стояла у порога с тремя литрами молока. Она явно нервничала. Не ответив на приветствие, не предложив ей войти, хозяйка забрала банку и, оставив дверь распахнутой, скрылась на кухне. Через пару минут она подошла к ненавистной ей женщине.

– В твоих услугах мы больше не нуждаемся, – заявила Клавдия, вручая Васиной зазнобе ополоснутую посудину и плату за молоко.

– Клав, прости меня, пожалуйста. Не говори ничего Саше, а? — вопрошающе промямлила Маруся дрожащим от волнения голосом.

Клавдия ничего не сказала, просто закрыла перед её носом дверь. У неё в голове не укладывалось, как после всего случившегося у этой вертихвостки хватило наглости явиться в её дом!

Запланированное празднование тридцать шестой годовщины со дня рождения супруга Клава отменять не стала. Приглашённых было немного: пасынок свекровиной сестры с женой Татьяной, Васин сослуживец по лесничеству со своей благоверной да Матвей с женой Шурочкой и дочкой. Поскольку компания была небольшая, детей Клава усадила за стол вместе со взрослыми, чего раньше не делала.

Вася на этот раз прикладывался к рюмочке как никогда, а Клава ему не препятствовала. Своё внимание она сосредоточила на детях да на гостях, по большей части на Шурочке. За три года проживания в одном доме женщины очень сдружились. Они выручали друг друга, когда возникала надобность, делились своими сокровенными мыслями и переживаниями. Вот и теперь им было о чём поговорить, пока захмелевший Вася веселил гостей небылицами и забавными историями из своей или чьей-нибудь жизни. Многие его побасенки они слыхивали не единожды, но всё же опять посмеивались.

– Миш, помнишь, как я забирал тебя из деревни? Ты был тогда совсем ещё сопливым юнцом, – обратился Василий к пасынку материной сестры.

– Мне уже восемнадцать было. Я лишь на год моложе твоей жены. Тётя Оксана сосватала тебе тогда самую лучшую во всей Татарии девушку! А заодно и меня вам навязала, чтоб избавиться от нерадивого пасынка, – проговорил Михаил с ухмылкой. – В Чистополи я впервые увидел пароход.

– Ты казался мне тогда дуб дубом. «Ни хрена себе, какой домина по воде плывёт!.. Такой огромный – и не тонет!», – воскликнул ты как оглашенный, когда мы прибыли на пристань. А теперь у тебя семья, дети. Подумать только, за полгода чувашский язык выучил! Теперь ты тарабарщишь на нём как заправский чуваш – не хуже, чем твоя обрусевшая жёнушка.

– Мои родственники не верят, что он чистокровный русский, — усмехнувшись, сказала Татьяна. – Он и по-татарски говорит довольно свободно. У Миши способность к языкам. Жаль, что у него не было возможности воспользоваться этим даром. Такой талант пропадает!

– У нас с Матвеем с понедельника отпуск начинается. Собираемся на Украину съездить, – шепнула Шурочка Клавдии, но услышали все.

– Уже и билеты купили на поезд до Винницы, – подтвердил Матвей. – Послезавтра выезжаем.

– Какое совпадение! У меня тоже в ближайшие дни отпуск намечается, и я планирую поехать в те же края. Недалеко от Винницы моя матушка проживает. Она давно уговаривает меня навестить её, но только отпуск всё никак не удавалось выпросить летом. Теперь же вот есть подходящая замена, – заявил Василий, указав взглядом на сослуживца Степана. – А давайте встретимся у моей матушки. Я расскажу, как добраться до неё.

– Может, лучше просто дашь её адрес? – предложил Матвей.

– Дам, конечно, – согласился Вася и назвал координаты матери, а товарищ занёс их в свою записную книжку. – Да чего там записывать! В том селении хат-то всего ничего. Моя матушка живёт на самой окраине. Её дом изо всех остальных выделяется. Увидишь самые большие хоромы – это и есть её жилище. У неё знаешь, какой домина?!.. Пятистенка с мансардой и красной железной крышей! Огород у матери двадцать соток! В саду чего только не насажено!.. – ударился в бахвальство Василий.

– Не знаю, изъявит ли желание Шурочка, а я обязательно тебя навещу. Когда ты туда прибудешь, дружок? – спросил Матвей с проскользнувшей в глазах хитринкой.

– Приезжай через недельку, чтоб уж точно я был на месте, — вдохновился товарищ. – Не забудь: деревня Выселки называется. Там все друг друга знают. Можешь у любого спросить. Мою мать зовут Алесей Прокопьевной. А фамилия у неё Стрельцова, как и у меня. Во втором замужестве она её не меняла и уже пять лет как овдовела...

– Пап, мы и вправду к бабушке в гости скоро поедem? – поинтересовался наутро Лёня.

– С чего ты взял? – удивился Василий.

Голова у него гудела с тяжёлого похмелья.

– Ты говорил об этом вчера дяде Матвею.

– Приглашал его к своей матери в гости, – иронично дополнила сказанное сыном Клавдия.

– А давайте и в самом деле махнём туда на пару неделек? — предложил ей Вася, начиная припоминать свою вчерашнюю болтовню.

– Я никому ничего не обещала. Да у меня там и нет никого.

– А моя мать?

– Она мне даже не свекровь больше. Мы разводимся, – напомнила Клава. – Но ты езжай. Твоя матушка ждёт тебя с нетерпением. Ей твоя помощь сейчас необходима. И сына с собой возьми. Раз обещал — сделай! – сказала она с ухмылкой.

– Почему бы и нет. Я не навещал её с похорон отчима. А Лёня и вовсе никогда не видел свою бабушку. Должна же моя мать познакомиться со вторым своим внуком, о котором знает лишь понаслышке, – заявил Василий, ободряюще ероша волосы сыночка.

В понедельник утром он написал заявление на отпуск и, получив согласие начальства, отправился за билетами. Эта поездка была ему очень кстати. Василий надеялся, что за время его отсутствия Клава успокоится, хорошенько поразмыслит и передумает разводиться, поскольку человек он, по его мнению, в общем-то, неплохой, да и сыновья его любят, и никто им его не заменит.

Алеся Прокопьевна была рада приезду сына и очень похожего на него внука. Она заваляла Васю вопросами, в том числе и об их с Клавой взаимоотношениях. На некоторые из них он отвечал с напрягом, опасливо поглядывая на сынишку. Василий явно чего-то недоговаривал — это ещё больше возбуждало интерес его матери.

– Лёнь, а почему мама с Вовочкой не приехали? – спросила она внука, когда сын вышел покурить, а заодно и осмотреться вокруг, ознакомиться с обстановкой.

– Вовка из лагеря ещё не вернулся, а у мамы здесь никого нет. Ей сюда неинтересно ехать.

– Как это никого нет?.. А я?

– Она сказала, что, так как они с папой разводятся, ты ей теперь не свекровь, – опрометчиво брякнул внучек и, тут же раскаявшись, перестал отвечать на её щекотливые вопросы.

– Вась, ты и в самом деле хочешь расторгнуть брак с Клавой? — напустилась Алеся Прокопьевна на вошедшего в дом сына.

– Не я с ней, а она со мной собирается разводиться. Мам, не бери в голову, думаю, всё как-нибудь утрясётся, – отговорился Василий, с укором взглянув на сынишку.

– Пап, я во дворе котёнка видел. Можно пойду, поиграю? — заюлил пострел, отводя взгляд.

– Пойди, внучек, поиграй, – ответила вместо отца бабушка.

– Стало быть, Клава любовника завела!.. – сделала умозаключение Васина мать, когда Лёня вышел из дома. – А такой порядочной казалась! – проговорила она негодующим тоном.

– Да нет у неё никого! – возразил ей сынок раздражённо.

– Значит, это ты ей изменяешь?.. Вот уж точно в своего папеньку пошёл! – сделала она вывод, не дождавшись ответа.

– Ты тоже не святая была перед ним, – напомнил ей Вася.

– Ну, был у меня как-то друг... так это ж ему в отместку!

– Папа говорил о себе то же самое. А ведь вы, между прочим, в отличие от нас с Клавой поженились по любви, а не впопыхах, не потому что вас ловко свели и окрутили в два счёта.

– Мы с твоей тётушкой хотели, как лучше для вас с Клавой. Ну что мы всё не о том говорим. Я так ждала тебя, сынок! После Петрушиной смерти здесь всё в упадок приходит начало. Да ты и сам видишь. Надо срочно фундамент восстановить, пока дом совсем не рухнул. Крышу тоже необходимо подлатать поскорее. Ох, дел здесь невпроворот!.. Тебе и за месяц с ними не управиться, а ты всего на две недельки приехал.

– Что если нанять крепких дельных мужиков из местных?

– Пяток толковых парней я тебе подберу, но они согласятся прийти только в выходные. В будние дни у всех и каждого своих дел хватает.

– Тогда следует собрать больше народу. Нам как минимум человек десять понадобится. Ну и, разумеется, придётся не только оплатить их труд, но и отблагодарить хорошим застольем. Да и вообще: мужиков кормить надо будет, чтоб обедать по домам не разбредались.

– У меня горилка припасена для такого случая. И строительными материалами я запаслась: цемент и речной песок имеются в достатке, шифер тоже купила. Да ты вероятно и сам всё видел, если в сарай заходил.

– Видел, видел. Вот завтра и решим, что да как делать будем. И какой только олух этот дом ставил на таком кривом и слабом фундаменте!.. А ты подумала кто нам еду готовить станет?

– Это я возьму на себя. В крайнем случае, позову соседку. Людмила не откажет в помощи. Хорошая баба, а счастья нет!.. Одна дочку четырнадцатилетнюю воспитывает. Родила её в двадцать два года, а замуж так и не вышла. Она тебе ровесница. Вот заодно и познакомитесь. Вдруг у вас тут сладится!

– Не сладится. И жить здесь я не останусь! Давай ты не будешь мной вновь манипулировать!.. У меня жена нормальная, я её люблю и другая мне не нужна.

– Если б любил, не изменял бы.

– Много ты понимаешь!.. Одно дело – гульнуть с какой-нибудь красоткой, отдохнуть от мирской суеты, и совсем другое – строить прочные отношения. Для семейной жизни лучше Клавды мне женщины не найти. Прикипел я к ней всеми своими потрохами. Она словно бы часть меня: привычная и вроде как не особо осязаемая, а оторвёшь от себя – не факт, что моё сердце с ней не останется. Да и сынов своих я не брошу. Они последние хранители нашей фамилии – продолжатели моего рода!

– Всё копаешься в старых семейных бумагах, мечтаешь разыскать клад?

– В них нет никаких дельных подсказок, и всё же надежда умирает последней. Я потому что и в лесничество пошёл работать... а вдруг повезёт неожиданно-негаданно!

– Вам так сильно деньги нужны?

– Да не то чтобы очень. Мы не бедствуем. Это просто азарт. Хотелось бы хоть какую-то ценную вещичку своим сыновьям оставить в память о наших предках.

– Не подскажете, где здесь Алеся Прокопьевна Стрельцова проживает? – спросил у старушки дважды объехавший деревню Матвей, останавливавший такси у всех заслуживающих внимание построек. – У неё дом огромный, кирпичный. Он вроде бы с красной железной крышей и с резными наличниками на окнах.

– Да что вы говорите!.. То есть не дом, а целый домище? – спросила с усмешкой пожилая женщина. – Ну как же, как же. Вон её «хоромы-то» – последний дом по правую сторону от дороги! – сказала она с иронией, указывая в конец деревни.

Матвей, разумеется, знал, что его дружок любитель приврать для красного словца, когда выпьет лишку, однако, подъехав к дому глазам своим не поверил: перед ним предстала перекошенная избушка мазанка похожая скорее на заброшенный дачный домик, нежели на жилую хату.

– Не может быть! – воскликнул он, глядя на таксиста и уже собирався вновь усестись в автомобиль, как увидел Василия с его младшим сынишкой.

Рассчитавшись с водителем, Матвей двинулся им навстречу.

– Здорово, мужики! – поприветствовал он обоих, пожимая руку сначала старшему Стрельцову, а потом и младшему. – Ну, показывайте ваши «хоромы», – потребовал Матвей со смешинкой.

– Ты же знаешь, что я мастак на шутки, будучи подшофе, – улыбаясь, отделался пояснением, совсем не смутившийся Вася. – Молодец, что приехал. Поможешь подремонтировать мамину хибарку?

– Чем смогу. Однако меня отпустили всего лишь на пару дней, – предупредил дружок, видя какой масштаб работ здесь предстоит.

– Вот и ладно. Сегодня же и начнём. А завтра и послезавтра у нас и другие помощники будут – из числа местных жителей.

Алеся Прокопьевна встретила гостя радушно. После сытного обеда мужчины занялись подготовкой к ремонту, а хозяйка – мытьём посуды.

– Баба Леся, можно я пойду огурчиков на грядке насобираю? — обратился к хозяйшке Лёня.

– Не надо, малыш. Они ещё крошечные. Через три-четыре денька подрастут – вот тогда и будем кушать. Я их у соседей пока покупаю. Свои-то огурцы в этом году поздно посадила. А ты иди, погуляй по саду. Можешь полакомиться викторией, только грядки не потопчи.

Лёня наелся ягод прямо с кустов, поиграл с кошкой. Он не знал, чем заняться. С мальчишками своего возраста пострелёнок пока не познакомился, да и не было никакой детворы на улице. Он много раз прошёл мимо привлекающих его внимание грядок, заглядывая под кустики. Маленьких огурчиков там была тьма-тьмушая. «И чего бабка скряжничает? Ей их скоро девать будет некуда!» – подсадовал Лёня. Воровато оглядевшись по сторонам, пострел не увидел никого из взрослых. Ноги его как-то сами собой подогнулись, и он, распластавшись по земле, пополз между грядок, заглядывая под лопушистые листья. «Наберу полный карман и съем в каком-нибудь укромном местечке. Огурцов от этого не убудет. Не считала же она их, в конце-то концов», – рассудил Лёня, предвкушая удовольствие. И тут его нос упёрся в начинающий набирать рост огурчик. У него слюнки потекли от ароматного запаха. Он не удержался и куснул его прямо с куста...

Выйдя в огород за укропчиком, Алеся Прокопьевна услышала смачный хруст и насторожилась. «Неужели у соседей кролик сбежал?» – озадачилась она и стала на цыпочках подбираться к огуречным грядкам, откуда доносились подозрительные звуки.

Почувствовав чьё-то приближение, Лёня торопливо по-пластунски пополз между грядок, забавно шевеля слегка приподнятой попой. Он успел сорвать всего лишь десятка два маленьких огурчиков, а этот неизвестный – тут как тут!

– Ой! – взвизгнул сорванец, повисая в воздухе.

– Шустрый как заяц, однако! – услышал он знакомый ехидный голос. – Ну-ка, пойдём, проказник! – прошипела ухватившая его за штаны и приподнявшая над землёй бабка, ставя на тропку, прежде чем поволочь за собой.

– Вот... полюбуйся на своё дитятко, – обратилась она к сыну, разыскав его с товарищем за домом. – Сказала ведь, что огурчики ещё не выросли, так нет: нарвал полные карманы прыщиков! Через три дня из них целое блюдо огурцов выросло бы! – посетовала бабка.

Отец не сильно ругался, лишь пожурил немного, но Лёня всё равно затаил на бабушку обиду, ведь он был готов сгореть со стыда, когда она вытряхивала его карманы в присутствии дяди Матвея.

Мужики закончили заливать под домом фундамент, оставалось выждать несколько суток, пока схватится раствор, а потом предстояло убрать домкраты. Работники умывались, приводили себя в порядок, когда почуяли запах гари.

– Дымком пахнет, не горит ли чего? – озадачившись, обратился Матвей к другу.

– Мать с соседкой Людмилой еду на костре готовят, – пояснил Василий, не придав его словам большого значения.

– Караул! Пожар! Горим! – раздался вдруг женский вопль, привлёкший всеобщее внимание, и тут же из распахнутой Алесей Прокопьевной двери дома вместе с клубами дыма выскочил Лёня и пустился наутёк.

Мужики кинулись к избе. Впереди всех бежал Вася. Когда его мать, почуяв запах гари, отворила дверь, в центре избы на мгновение вспыхнуло пламя, но теперь уже никакого огня не было – лишь начинающий рассеиваться дым клубился под потолком. Тревога оказалась, в общем-то, ложной, тем не менее, сногсшибательная шалость сорванца оказалась налицо: в центре избы было разложено подобие костра из сырых поленьев и щепок. В середину напихана жухлая трава, а поверх лежал ещё выделяющий дымку пепел от сгоревших газет.

– Может не стоит крышу ремонтировать?.. Не разумнее ли подождать отъезда гостей? – пошутил один из вошедших в избу мужчин.

Василий никогда не бил своих детей, а сейчас пару-тройку раз стегнул сынишку ремешком для острстки и успокоения материнной души, причём прямо при посторонних, что было его ошибкой.

«Война так война!», – решил ещё больше озлобившийся пострел, потирая попу.

Вася рассчитывал, что за два дня они всем скопом управятся с фундаментом и подремонтируют крышу, однако теперь был доволен, что удалось поправить хотя бы фундамент: уж очень больших усилий требовала эта работа.

Мужики потрудились на славу. В знак благодарности Алеся Прокопьевна, при содействии Людмилы, приготовила достойное угощение: несколько видов салата, уху из речной рыбы, жаркое из парной телятины, купленной у местных жителей. Её помощница даже пирожков напекла-расстаралась. К окончанию работы в огороде были расставлены и накрыты столы. Работники остались довольны. Василий старался показать себя с лучшей стороны. Зная свою привычку плести небылицы в нетрезвом состоянии, он пил мало и был немногословен. Возможно, на него повлияла матушкина помощница-соседка, которой он вроде как приглянулся. Пышногрудая, дородная блондинка открыто флиртовала с ним. Она подкладывала ему в тарелку отборные кусочки мяса, вызывая тем самым ухмылки местных парней. Обласканный её вниманием Вася рдел от удовольствия, делая вид, что всё это в порядке вещей. Его мать была довольна, что за ним ухаживает Людмила. Она словно бы подталкивала их друг к другу, что не ускользнуло от внимания Матвея и ещё больше обозлило Лёню.

– Баба Леся, вам для козочки вода нужна? – спросил он, как ни в чём не бывало, заглядывая в сарай во время вечерней дойки.

– Принеси половину ведёрка, коль нетрудно, – отозвалась бабка, чтоб хоть чем-то занять внука.

– А как зовут козочку? – поинтересовался пострел, поставив тяжёлую ношу.

– Маней, – ответила Алеся Прокопьевна, бросая на проказника скептический взгляд.

– Можно её погладить?

– Погладь. Маня любит ласку, – поведала бабка, не прерывая дойку.

Ей захотелось задобрить внука, попытаться найти с ним общий язык, однако, несмотря на изображаемое им дружелюбие, на душе у неё сделалось тревожно и как выяснилось не зря. Только-только она вымолвила ответ, как коза истошно заблеяла и, взбрыкнув копытцами, встала на дыбы. Бабушка подняла вверх голову: борода её любимицы пылала ярким пламенем!

Козочка заметалась как угорелая. Тонкая верёвка, удерживающая её на привязи, оборвалась, и она понеслась вскачь по сараю. Опомнившийся Лёня схватил принесённое им наполненное ведёрко и, изловчившись, выплеснул воду в мордочку несчастной животине...

Проводив Матвея до подъехавшего такси и попрощавшись с ним, Василий услышал в сарае грохот. Решив проверить, в чём там дело, он распахнул дверь. Перепуганная коза выскочила оттуда чуть ли не на него и пустилась скакать по двору как оглашенная. Но не она больше всего встревожила Василия, а распластанная посреди сарая мать, пребывавшая в глубоком обмороке! Пока он приводил её в чувство, сын признался, что натворил и как это произошло.

– Опять пороть будешь? – спросил, насупившись, Лёня.

– Не буду, – заверил его отец, опасавшийся, что в случае развода он может потерять не только жену, но и настроенного против него младшего сына. – Однако ты должен дать обещание, что ничего подобного не повторится, что ты не будешь больше доводить бабушку до обмороков и сердечных приступов.

– Ладно. Я постараюсь, – произнёс Лёня без твёрдой уверенности.

– Как бы ни так, вразумишь его, – буркнула возмущённая поведением внука и недовольная попустительством сына Алеся Прокопьевна. – А если бы сено здесь вспыхнуло?!

– Мам, я договорился с тремя парнями. Они помогут мне отремонтировать крышу, когда фундамент окрепнет и можно будет убрать домкраты. Мы собираемся заняться этим в четверг. Думаю, за пару дней справимся. Деловые ребята, шустрые! И они пока что свободны. Парни придут, как только я их позову, – обратился Василий к матери, стараясь задобрить её, замять неприятный разговор.

И всё же Алеся Прокопьевна перестала общаться с внуком, да и с сыном, занимающимся ремонтом сарая, говорила теперь сквозь зубы.

А у Клавы между тем разворачивалась своя активная деятельность, происходили весьма значимые для неё события. Проводив мужа и сынишку в дальний путь, она на другой же день подала заявление на развод и сходила на приём к гинекологу. Убедившись, что с ней всё в порядке, Клава с облегчённым сердцем занялась покраской оконных рам. За два вечера она справилась с поставленной перед собой задачей и решила, что раз уж детей дома нет, следует покрасить и пол, поскольку всё равно заняться нечем, а дело отвлекает от мрачных мыслей, поднимает настроение. Но для этого ей нужна была краска.

Выйдя из хозяйственного магазина с двумя трёхкилограммовыми банками половой эмали, Клавдия наткнулась на супруга Васиной любовницы.

– Давай помогу донести, – предложил Александр и, не дожидаясь её согласия, забрал тяжёлую сумку.

Клава растерялась. Она не была близко знакома с этим сорокалетним светловолосым мужчиной брутальной наружности и не ожидала от него такой напористости. Он был примерно такого же роста, как и Василий, но шире в плечах и более мощного телосложения. Если бы не испещрённое мелкими щербинками лицо и не шрам на левой щеке, Александр мог бы казаться красивым.

– Ничего не желаешь мне сказать? – спросил он без обиняков смущенную женщину.

– А должна? – удивилась Клавдия. – Мы с вами на брудершafft не пили и у нас не те отношения, чтобы отводить душу.

– Нас свели обстоятельства. Мы давно знаем друг друга. Не будем же мы выкать. Мне жена обо всём рассказала и покаялась.

– А я тут при чём?

– Хотелось бы услышать твою версию.

– Только если поведаешь, что именно она тебе наговорила.

– Маруся призналась, что изменила мне с твоим мужем; сказала, что ты их застукала.

– И после этого она уцелела? – спросила Клава с напускным изумлением, бросив взгляд на его большие натруженные руки.

– Представь себе! Поскольку она сама чистосердечно выложила мне эту истину и рассказала, я не стал учить её уму-разуму. Но измена ей просто так не сойдёт. Ну и как было дело?

– Вероятно, так и было, как поведала тебе жёнушка. Я видела, как они ворковали, обнимались и целовались. Из услышанного их разговора мне стало ясно, в каких они состоят отношениях, – ответила Клавдия, не вдаваясь в подробности.

– Маруся сказала, что ты собираешься разводиться с Василием.

– Как ей в голову пришло такое?

– Доложил твой благоверный. А ещё он довёл до её сведения, что ты грозила рассказать мне всю их подноготную. Я полагаю, что жена призналась в измене, потому что спешила опередить тебя. Она понимала, что иначе ей было б ещё хуже. Кстати сказать, твой муженёк заверил Марусю, что ты получишь развод только через его труп.

– Поживём – увидим.

– Ремонт решила заняться пока он в отъезде?

– Стало быть, Василий и о том, что уезжает в отпуск ей доложил, – сделала вывод Клавдия. – Старший сын в лагере, а младший с отцом уехал. Я решила воспользоваться моментом и пока никто не мешает сделать косметический ремонт в квартире. Рамы уже выкрасила, осталось полы покрыть эмалью.

– Помощь нужна? – вновь задал вопрос Александр.

– Мужская сила мне не помешала бы. Надо две спальни освободить от мебели, а потом, когда высохнет краска, занести всё обратно и зал освободить. Окажешь услугу?

– Для такой женщины я готов разбиться в лепёшку. К тому же, у нас вроде как сходные проблемы.

– Тогда давай прямо сейчас займёмся этим делом, – предложила Клава, впуская его с тяжёлой ношей в квартиру.

Освободив спальни, они вместе поужинали. Хозяйка накормила случайного гостя пирожками с лесной клубникой, напоила чаем.

– Где спать собираешься, когда и в зале пол выкрасишь?.. Можно с помощью брусочков из коридорчика через зал доску перекинуть в малую спальню, чтобы ходить можно было, да только краской там вонять будет, – заметил Александр.

– В квартире друзей переночую. Они в отпуск к родственникам уехали, а мне ключи оставили, чтобы я цветы поливала и за жильём присматривала, – довела до его сведения Клава. – Ну, ты иди, а то поздно уже.

– Мне спешить некуда! – попытался он затянуть пребывание, однако, почувствовав недовольство хозяйки, направился к выходу.

Александр заверил её, что придёт через три дня, чтоб поставить на прежние места спальную мебель и освободить для покраски гостиную, и выполнил обещание. От чая на этот раз он отказался.

– Я зайду через пару дней вечером. Расставим мебель в гостиной. Не рано? – спросил помощник, рассчитывая на одобрение.

– Эмаль замечательная. Она быстро сохнет. Я сегодня же выкрашу пол, – выразила согласие Клава, желая поскорее покончить с ремонтом.

– Вот и славно!.. Спасибо тебе, – сказала она в его следующий приход, когда они разобрались с гостиной и вынесли из кухни в коридор стол. – Больше мне помощь не потребуется. Со всеми остальными делами я сама справлюсь. Не знаю, как уж и отблагодарить тебя за содействие. У меня литр водки есть...

– Даже и не думай! – перебил её Александр. – Разве что в ресторан пригласишь, – проговорил он шутливо.

– Почему бы и нет!.. С большим удовольствием, – вдохновилась Клавдия. – Женщина я, можно сказать, холостая, а сейчас и от детей свободная. Подожди чуток. Я мигом переоденусь.

Клава собралась быстро. Надевая свой лучший костюм, она впервые в жизни пожалела, что не имеет более изысканного для такого случая наряда. Вечер был не очень поздний. Они неспешно прошли полтора километра, дыша свежим воздухом. С этим мужчиной Клава чувствовала себя легко и комфортно, словно была с близким другом. Они хорошо посидели, пообщались в ресторане, не затрагивая тягостные для них темы. Время пролетело незаметно. Расплатиться за заказ Александр Клаве не позволил. Когда он довёл её до дома, было уже начало первого.

– На кофе не пригласишь? – напросился он как бы шутливо.

– В моём жилище от запаха краски аж глаза режет. Я все продукты перенесла в квартиру друзей. Если хочешь, мы можем пойти на третий этаж. Кофе в моём хозяйстве закончилось, а вот чаем напою. Завтра у меня выходной, так что выспаться успею.

Расслабившись после ресторана и чаепития, они перебрались из кухни в гостиную, включили телевизор. Саша осторожненько начал ласкать Клаву, а она и не возражала. Изголодавшиеся по душевной теплоте и близости из-за неладов с супругами, они оказались, в конце концов, в постели и занялись любовью.

Выйдя замуж целомудренной девушкой за малознамого парня, Клава никогда не испытывала истинного блаженства от близости с единственным в её жизни мужчиной. Она и не подозревала, что её муж может быть очень нежным и в то же время темпераментно-озорным, пока не застала его с любовницей и не поняла, что всю свою страсть и ласку он дарит своим зазнобам. Это осознание уязвило её женское самолюбие, Клава почувствовала себя обделённой. Теперь она намеревалась дополнить всё с лихвой.

Александр стал навещать её ежедневно. Вова, вернувшийся из лагеря, уже крепко спал в своей постели к тому моменту, когда они уединялись в квартире Алексаниных. Клавдия была уверена, что он ни о чём не догадывается. Любовник уходил лишь за полночь.

А Маруся теперь с ума сходила от явного безразличия мужа к её персоне. Сначала она предположила, что он не спит с ней из-за обиды, но, когда почувствовала исходящий от него аромат незнакомых женских духов, встревожилась. Не желая теряться в догадках, Маруся выбрала момент и проследила за ним. Поняв, что он ходит к Клаве, она решила, что таким способом эти двое мстят им с Васей за их измены. Опасаясь, как бы более молодая соперница не увела у неё состоятельного мужа, оставив её ни с чем, Маруся принялась ластиться к Александру, ища примирения.

– Саш, давай усыновим ребёночка, – предложила она после очередной беспокойно приведённой по его милости ночи, несмотря на их общее решение не усыновлять чужих малышей, если не суждено иметь своих кровных деток.

– Я не теряю надежды занять собственного ребёнка, – возразил супруг.

– Или усыновить детей любовницы, – не удержавшись, съязвила жёнушка.

– А хотя бы и так! Воспитывать детей от любимой женщины гораздо лучше, чем растить совсем чужих незнамо кем и от кого рождённых, – парировал Александр.

– Так ты держишь меня в своём доме лишь в качестве прислуги? Как женщина я тебе теперь не нужна, да? Ты желаешь со мной развестись?!.. – ужаснула её догадка. – Саш, хватит блудить, а! Ты и так отомстил мне с лихвой. Я поняла, что люблю только тебя. Никогда в жизни я больше не посмотрю на других мужчин. Давай жить в мире и согласии, – слёзно попросила Маруся.

– Я подумаю над твоим предложением, – обнадёжил он жёнушку, а домой опять вернулся лишь под утро.

Ну а Клава в кои-то веки почувствовала себя по-настоящему желанной, однако с каждой последующей встречей с любовником собственный пыл её убывал. Она убеждалась, что он – не её половинка. Однако прощать Василия и забирать заявление на развод Клава не собиралась. Она твёрдо намеревалась довести это дело до конца — да хотя бы ради принципа! – и всё же начинала скучать по непутёвому мужу, в чём не желала признаться даже самой себе.

А Вася тем временем закрутил интрижку с Людмилой, заранее дав ей понять, что у него есть супруга, разводиться с которой не намерен, да и приехал к матери ненадолго. Понимая, что ей не заполучить этого видного мужчину в качестве мужа, Людмила всё же согласилась с ним встречаться, но тайно, чтобы не скомпрометировать своё «честное имя». Так что навещать новоявленную подружку он мог лишь в строго указанное ею время. Обычно она назначала ему свидание не раньше, чем около полуночи, чтобы никто случайно не увидел их вместе. Вот и в этот день, закончив ремонт сарая, Василий перекинулся несколькими репликами с соседкой-любовницей, намекая, что не прочь встретиться с ней этой ночью, но она ему на сей раз отказала. Почувствовав себя никому не нужным, Василий загрустил, затосковал по дому, по лесу, по привычной жизни.

Сынишка нашёл-таки себе товарища-ровесника и теперь всюду ходил за ним хвостиком, что облегчило их с матерью совместное сосуществование, но не доставило никому особой радости. Сердце Аписы Прокопьевны не смягчилось. Продолжая молчком сердиться, занимаясь делами, она держала сына в напряжении.

Решив расслабиться с помощью алкоголя, однако, не желая навлечь на себя её нарекания, Вася не стал брать спиртное из материной заначки, а отправился в магазин. Проходя мимо вырытой траншеи, он заметил в ней крупного телосложения мужчину в тельняшке. Еле держась на ногах, тот пытался выбраться из рва, падая то и дело в скопившуюся там жижу.

– Эй!.. Бич, ты чего в яме барахтаешься? – крикнул ему Вася.

– Я не б.. бич, – взмутился заплетающимся языком бедолага.

– А кто?

– Кнут!.. Я офицер за...паса, капитан! В... вытащи меня отсюда, а.

Василий постелил на землю вынутый из кармана целлофановый пакет и, встав на колени, помог этому пьяному типу выбраться из ямы.

– Ну и вымазал ты меня! – подсадовал он, осмотрев свой костюм.

Мужчина окинул взглядом его, потом себя и, трезвея, сказал:

– Я тоже в таком виде не могу явиться к матери!.. Н.. ничего страшного. Пойдём к моей зазнобушке, она махом всё вычистит.

К Васиному изумлению капитан привёл его к той самой женщине, которая с некоторых пор была и его любовницей тоже! Людмила выставила им поллитровку самогона с закуской, делая вид, что видит Васю впервые, и отправилась чистить его снятую одежду, как велел ей «кнут». Пока мужчины сидели за предоставленной им бутылочкой самогона, она вычистила и выгладила Васин костюм, ставший как новенький, затем принялась за стирку одежды капитана.

Домой Василий вернулся подшофе и развеселившийся! Его восхитила способность, по-видимому, уже бывшей пассии быстро справляться с насущными делами и ловко охмурять мужиков! При случае он не преминул бы потешить друзей этой хохмой, а вот матери, разумеется, ничего не сказал.

Наутро, как и было договорено, на помощь Василию прибыли трое молодых людей. Все оказались отличными работниками. К полному материному удовлетворению парни за день покрыли шифером всю крышу. На радостях она организовала шикарный стол. На этот раз в распитии спиртного Вася не отставал от своих помощников. Алесья Прокопьевна тоже немножко выпила, как говорится, поддержала компанию.

– Хороша водочка, но горилка мне больше по душе, – высказался один из хлопцев.

– Вот и я всё о том же толкую. У меня тесть самогонку гонит высшего класса! У него всегда тройной перегон! Ну, прямо чистый спирт! – поддержал разговор Василий.

– Хватит лапшу на уши вешать. Какой тесть?!.. Он уже семь лет в сырой земле лежит, да и не гнал он самогон, по крайней мере, в период твоего брака с Клавой. Её отец ещё до вашей с ней свадьбы уже на ладан дышал. До того ли ему было... больному-то раком желудка! В кого только ты такой выдумщик уродился! И Лёнька в тебя пошёл. Такой же вертопрах непутёвый будет! – высказала мать с толикой злости.

– Мамань, если ты до такой степени меня не любишь, что не даёшь лишнюю фразу для красного словца вымолвить, тогда что я здесь вообще делаю?!.. – возмутился Василий. – Никто меня не понимает: ни ты, ни жена! Вашими стараниями и дети уважать меня перестанут! Для вас я всего лишь пустомеля. Никто из вас меня не ценит. Я у вас как кость в горле! Если я вам так отвратителен, пойду топиться! – воскликнул он с отчаянием в голосе и ринулся вон из дома.

Алесья Прокопьевна неспешно встала, подошла к окну и всмотрелась вдаль: за деревней виднелась запруда, туда и направился сын. На душе её сделалось тревожно.

– О Господи! Что же я натворила!.. Он к пруду пошёл! Как бы и в самом деле не утонул! – забеспокоилась женщина.

– Теть Лесь, давайте не будем паниковать. Искупнётся, охладится ваш сынок и домой вернётся. Вася вполне нормальный мужик. Он не будет накладывать на себя руки, не оставит своих детей сиротами.

– Ваши слова да богу бы в уши! – произнесла она с горечью, приводя парней в недоумение.

Молодые люди подошли вслед за ней к окну и тоже стали наблюдать за Василием. Все видели, как он разделся и нырнул в воду, а вот чтобы из воды выныривал – никто не заметил!

– Приехал сыночек погостить, отдохнуть, а я работой его завалила и до гибели довела, – с трудом проговорила Алеся Прокопьевна, хватаясь за сердце после двадцати минут ожидания.

– Ребята, хватит тут околачиваться, пойдёмте, посмотрим, куда он подевался. А заодно и искупнёмся, – сказал старший из парней и направился к выходу.

Его товарищи ринулись следом. Алеся Прокопьевна старалась не отставать от молодёжи. Солнце уже закатывалось, но было ещё довольно светло.

– Тут одежда валяется!.. Похоже, его! – крикнул идущий впереди парень.

– Да. Это Васечкины брюки и рубашка, – подтвердила несчастная мать дрожащим от волнения голосом, подойдя поближе. – А самого его не видно. Утонул сыночек!.. Ей-богу утонул! И всё из-за меня! – заголосила она, поднимая панику.

Один из парней бросился в деревню и скоро вернулся с тремя мужиками и двумя баграми. А дружки его между тем время зря не теряли, они ныряли в воду, выискивая утопленника. На поднятую бучу народу собралось бесчисленное множество – чуть не вся деревня!

Прибежал и Лёня с товарищем. Наблюдая за переполохом, он сохранял спокойствие. Мальчик просто стоял и смотрел, как мужики прощупывают дно запруды. Он был уверен, что отца они там не найдут.

– Пруд мелкий. В самом глубоком месте чуть более двух метров. Но ведь при желании можно утопиться и в ванной, – заметил какой-то мужчина.

А Вася, предугадав, что мать станет следить за ним из окна дома, разделся и, нырнув в воду на видном для неё месте, проплыл под водой до зарослей камыша и там притаился. Увидев бегущих в направлении пруда парней и мать, он спрятался подальше за камышами и стал выжидать, что они предпримут. Василий поглядывал на галдящих мужиков, ищущих его с баграми и методом ныряния, да похихикивал. Они прощупывали дно пруда более часа. Уже смеркаться начало и стало холодать. Несколько человек, наконец, подобралось к нему очень близко, принялись искать его в камышах.

– Если этот придурок не утоп, если он окажется жив, – донёсся до Василия грозный мужской голос, – я сам лично его придушу!

– Если он так пошутил, ему несдобровать!.. Да мы живого места на нём не оставим! – вторили не менее нервные типы.

«Похоже, мой розыгрыш принял нежелательный оборот!» – осознал перешедший всякую меру затаённый и, сиганув сквозь камышовую заросль, припустил со всех ног на берег.

– Вон он! Вон!.. – услышал Василий крик, а далее понеслась несусветная матерщина.

Оглянувшись назад, он увидел мчащихся за ним мужиков с баграми, костерящих его, не стесняясь в выражениях, но вскоре они вроде как начали выдыхаться и, в конце концов, оказались на порядочном от него расстоянии, однако преследование не прекратили, что заставило Васю действовать ещё быстрее. Благо у соседки сарай был открыт. С налёта он едва не наскочил на Людмилу.

– Тише!.. Ведро с молоком у меня из рук чуть не выбил и Бурёнку перепугал, – рыкнула на него недавняя любовница.

– Милочка, спрячь меня ради бога, – взмолился Василий. – За мной мужики с баграми гонятся!

– Они видели, как ты сюда заскочил?.. Что случилось-то?

– Потом расскажу. Думаю, они потеряли мой след. Если и будут искать, то в доме матери.

– Тогда полезай на сеновал. Когда всё успокоится, я поест тебе принесу. Ты знаешь, где там можно удобно расположиться, – проговорила Людмила и шаловливо подмигнула ему.

– Саш, нам надо прекратить встречаться. Завтра или послезавтра должны вернуться Алексанины, а следом придут и Вася с Лёней. А ещё я заметила, что Вова стал косо поглядывать на меня, он должно быть что-то заподозрил. Не хочу, чтобы кто-нибудь узнал о нашем с тобой романе, не желаю, чтобы собственные дети обо мне плохо думали. Я пока что несвободная женщина, – оправдалась Клавдия.

– Но ты ведь собираешься разводиться?

– Да, разумеется, но тебе не советую этого делать.

– Это ещё почему?

– Многие женщины, имея даже кучу малых детишек, в одиночку справляются с домашним хозяйством, а мужчины не приспособлены жить без второй половинки, – заметила она с усмешкой.

– Из нас и твоих детей могла бы получиться неплохая семья.

– Я так не считаю. Нам с тобой хорошо в постели, но семейная жизнь – не только секс. Дети у меня уже большие. Они любят отца и вряд ли примут тебя.

– Если решишь, что я нужен тебе, дай знать! – сказал на прощанье погрузневший Саша.

А вечером следующего дня в Клавину квартиру постучалась Маруся.

– Какие люди! – изумилась хозяйшка, увидев неожиданную посетительницу. – Говори, зачем пришла. В гости я тебя не приглашала, – заметила она, держа её за порогом.

– Клав, отпусти Александра. На кой он тебе? Ты на десяток лет его моложе. С такой приятной внешностью и способностями тебе ничего не стоит занять более стоящего любовника.

– А тебе, стало быть, как Саша, так и Вася очень даже подходят. Решила занять нечто вроде мужского гарема?.. Впрочем, да будет тебе известно, я не держу их обоих. Останется ли кто-то из них с тобой – зависит лишь от тебя. Ни под каким предлогом сюда больше не приходи, – заявила Клавдия, прежде чем захлопнуть дверь.

Первыми из поездки на Украину прибыли Алексанины. Клава вовремя успела навести марафет в их квартире. Ближе к вечеру отдохнувшая с дороги Шурочка пришла к ней пообщаться тет-а-тет, сказать, как провела отпуск. Во время разговора по душам она поведала Клаве то, что рассказал ей муж о своей поездке к Василию и его матери, в том числе и о том, как Лёня бабкины крошечные огурчики тибрил с грядок и как костёр попытался развести в её доме, подняв переполох. Не удержалась она и от упоминания о Людмиле.

– Клав, Матвей просил не говорить тебе об этом, но я не желаю утаивать от тебя данную истину. Так вот: он заметил, что на Васю положила глаз соседка его матери по имени Людмила – пышногрудая блондинка примерно его возраста. Она помогала твоей свекрови готовить застолье. Эта дамочка не упускала возможности покрутиться возле твоего благоверного, всё старалась привлечь его внимание, даже уселась рядом с ним во время пиршества. Твой мужёнок млел от её заигрываний и от её ухаживания за ним. Её поползновения бросались в глаза всем. Твоя свекровь, между прочим, не видела в этом ничего предосудительного.

– Ну и ладно. Пусть веселится, милуется с этой бабой, – усмехнувшись, сказала подруга, удивив Шурочку своей беспечностью.

– Я гляжу, ты смотришь на это сквозь пальцы. Не боишься, что такая пронырливая дамочка захомутает твоего Василия, и он останется с ней на Украине?

– Да пусть он делает всё, что ему угодно, но только бы сына мне вернул, – ответила Клавдия ироничным тоном.

– Лёню твоего его матушка точно себе не оставит. Если Василий сынишку сюда не доставит, то она сама его привезёт, а иначе он им такую весёлую жизнь устроит – мало не покажется! Лёня и подружке его разлюбезной шороху там наведёт, если они к тебе его не отправят.

Женщины посмеялись над проделками мальчугана. Вспомнили кое-какие его шалости.

Василий не сразу узнал в идущей навстречу элегантной женщине в строгом сером костюме свою жену. Она преобразилась, приосанилась, сделала замысловатую причёску из длинных волос, каковую он никогда ни у кого не видывал, и которая была ей к лицу, даже воспользовалась косметикой, к чему прибегала крайне редко. Клава похудела, похорошела и стала вроде как выше. Она и так была немалого роста, а в модельных туфлях на высоких каблуках стала лишь чуточку ниже его. Раньше-то она носила простенькую, удобную обувь — теперь всё изменилось! Вася обратил внимание, что на её пальце нет обручального кольца и, по-видимому, уже давно: от него даже следа не осталось.

А вот Лёня сразу узнал свою маму и бросился в её объятия.

– Здравствуй, мой родненький! Как я по тебе соскучилась! — произнесла она, целуя и лаская его с необыкновенной нежностью.

– А по мне? – спросил топчущийся на месте Василий.

Ему захотелось оказаться на месте сына, и чтоб Клава вот так же гладила его вихрастые волосы.

– Не очень. Хорошо, что мы встретились, а не то вы домой не попали бы. Вообще-то я ненадолго вышла. Вы идите, а я схожу в магазин. Нужно купить кое-какие продукты, – заявила она, подавая Василию связку ключей.

– Мам, я с тобой пойду, – напросился Лёня.

– Пойдём, – произнесла она, беря его за руку, и они пошли, весело щебеча друг с другом.

Василий увидел старшего сына на подходе к дому. Тот гонял мяч с друзьями и тоже его заметил.

– Папа! – вскрикнул Вова – А где Лёня? – удивился он.

– Здравствуй, сын! Мы маму только что встретили, Лёня с ней в магазин пошёл. Поможешь донести вещи? – спросил отец, вручая парнишке довольно увесистую сумку.

Войдя в квартиру, Василий обратил внимание, что и в доме многое изменилось: рамы и полы выкрашены, на окнах новые занавески. Всюду чистота и порядок. Он остановился в растерянности, не зная, куда поставить свой чемодан.

– Пап, мама сказала, что ты будешь спать в маленькой спальне, а мы втроём в большой: я и Лёня – на вашей кровати, а мама – на моей раскладушке, – пояснил Вова, озадаченно глядя на отца.

– Ясно, – сказал Василий и понёс багаж в бывшую детскую комнату.

Он был раздосадован. За время его отсутствия жена, похоже, не смягчилась и не отказалась от намерения развестись с ним.

Клава с Лёней вернулись быстро, накупив продуктов. Жена, как и в былые времена, организовала праздничный обед в честь возвращения домочадцев после двухнедельной разлуки. Насытившиеся мальчишки убежали на улицу, а их мать, прибравшись на кухне, включила телевизор и уселась на диван.

– Клав, ты меня так и не простила за тот проступок? – обратился к жене Василий, нарушая молчание.

– Ха! Да ты изменяешь мне уже лет восемь. А может и с самого начала брака, но только я не хотела замечать этого.

– Откуда такие выводы?

– Городок наш небольшой, все жители примелькались друг другу. Здесь невозможно ничего утаить. Люди много чего замечают и рассказывают. Вот и получается: свинья – борову, а боров – всему городу. Многие знают меня как твою жену. Некоторые знакомые время от вре-

мении доводят что-нибудь о тебе до моего сведения. Я со дня нашей женитьбы замечала, как ты взглядом раздеваешь симпатичных девушек, а недавно лично убедилась в твоей неверности. Связав с тобой жизнь, я полагала, что если буду справляться с супружескими обязанностями, то быть может удержу тебя от соблазнов. Главной моей задачей было создавать уют в доме, готовить вкусную еду. Мне казалось, что если всё делать как надо, быть ухоженной, следить, чтобы дети и муж выглядели прилично, то и супруг не посмотрит на сторону, да только всё обернулось совсем не так, как я себе представляла.

– Ты отлично справляешься с супружескими обязанностями.

– Ты, должно быть, хотел сказать, что я неплохая домашняя хозяйка. Мне казалось, тебе нравится, что я одеваюсь простежки, выгляжу скромно. Ты ни разу не заикнулся, чтобы я купила себе что-то изысканное из одежды, тебя всегда волновала лишь собственная персона. В свои тридцать лет я отстала от моды, перестала наряжаться на должном уровне. Я всегда знала, что мужчины западают на красавиц, одевающихся с шиком. По наивности я полагала, что такое прихорашивание свойственно незамужним девушкам, а жёнам не пристало выставлять свои женские прелести напоказ. Теперь мне захотелось изменить стиль жизни и пожить в своё удовольствие.

– Может ты и принца себе нашла?

– Не то чтобы принца, но я встретила мужчину, с которым чувствую себя комфортно. Мы сидели с ним в ресторане, выпивали лёгкое марочное вино мелкими глотками, разговаривали о пустяках. Зал был полон, а он смотрел на меня так, словно я там единственная женщина, да что «там» — во всей вселенной!

– Тебе было хорошо с ним в постели? – спросил Вася, пыша гневом.

Он еле сдерживался, чтоб не сорваться и не устроить скандальную ругань. У него даже мысли никогда не возникало, что Клава сможет ему изменить. Василий и не думал, что способен испытывать жгучую ревность и столь раздирающую душу боль. Однако он пока ещё питал надежду, что до близости у них всё-таки не дошло.

– Заметь: я не спрашивала, хорошо ли тебе было с другими бабами – и так понятно, а иначе для чего всё это?.. Но если уж тебя распирает любопытство, то отвечу: да, я была близка с ним и впервые почувствовала себя по-настоящему желанной! Скоро, по-видимому, принесут повестку на развод. Предлагаю расстаться по-хорошему, чтобы не слишком травмировать детей.

– Если бы я не желал тебя, то не женился бы. Я и сейчас тебя хочу. Давай забудем всё и начнём жить как с чистого листа. Я даже не стану спрашивать, кто был твоим любовником, – предложил он, усмиряя бушующие внутри страсти.

Василий отчётливо сознавал, что сам он виноват перед Клавой в гораздо большей степени.

– Ну а я, видимо, в знак благодарности не должна спрашивать тебя о твоей последней пассии, Людмиле, не так ли?

– Какой Людмиле? – спросил Вася.

Вид у него был весьма ошарашенный.

– Я говорю о соседке твоей матери. Давай не будем выяснять отношения. Если ты согласишься оставить нам с детьми эту квартиру без всяких проволочек, я выплачу тебе компенсацию за полагающиеся тебе здесь квадраты из денег, которые мне выдаст брат после продажи родительского дома, который завещан нам с ним на двоих.

– Пойду, прилягу, – промямлил Вася, уходя от разговора.

Он почувствовал, что голова начинает раскалываться от царящей в ней неразберихи.

– Иди, отдохни и подумай над этим. Я постелю тебе в детской спальне, – добавила Клава.

Вовина кровать была ему коротка, но он промолчал.

– Здравствуйте, тетя Тамара, – поздоровалась Клава с пожилой седовласой женщиной. – Вы как-то сказали, что могли бы мне молоко домой приносить.

– Отчего бы и нет. А по каким дням?

– По понедельникам и четвергам. Желательно с утра пораньше. Женщина качнула головой в знак согласия.

– Значит, у Маруськи ты покупать отказалась, – сделала она вывод. – Это правильно: негоже пользоваться услугами любовницы мужа. Клав, рассказать тебе диво дивное?

– И что же за странные дела в нашем городке могут твориться? – спросила Клава ироничным тоном, чувствуя, что тема опять коснётся её муженька.

– Иду я на днях мимо дома небезызвестных тебе Прусаковых и вижу: выскакивает из своих ворот их соседка, Лизка Парашина, и врывается к ним во двор. Я присела на скамеечку передохнуть и такое услышала!.. «Гадюка ты подколодная! Колдунья проклятая!.. – накинулась на Маруську её соседка. – Зачем на моё крыльцо монеты накидала?! Своей ворожкой ты мне всю скотину загубила! Раньше Зорька по два литра молока утром и вечером давала, а теперь полтора литра за весь день едва выдаиваю! Вымя как камень стало!.. Мало того, что козы не доятся и куры нестись перестали, так ты, рыжая бестия, и меня решила со свету сжить?! Да я на тебя, нечистую силу, в суд подам!» – кричала Лиза на всю вселенную.

– А Маруська как отреагировала? – спросила Клава для поддержания разговора.

– Сказала соседке, что она за скотом плохо ухаживает, поскольку ей теперь недосуг заниматься этим делом, что сама, мол, довела козу до мастита, потому что на уме одно: как Сашку её охмурить да в постель свою затащить! Ей, дескать, Ваську Стрельцова удержать возле себя не удалось, так она после того как он её, «сучку лупоглазую», кинул, на Саньку её губу раскатала! «Если ты, коза драная, от моего мужа не отстанешь, я на самом деле порчу на тебя наведу!» – пригрозила Маруська Лизке, оря во всё горло. Ой! Что тут началось, что началось! Такой визг поднялся! Я во двор заглянула, а они за космы друг дружку таскают! Прусакова заметила меня – галошей Сашкиной запустила! Благо я успела калитку прикрыть. А Лизка каргой старой и сплетницей меня обозвала! Сцепились же вот две змеюки гремучие! И куда только твой мужёнок смотрел, когда на этих худосочных язвах позарился. Подумать только, такой с виду здравомыслящий мужчина со шлюшками связался при красавице-то жене!

– Надеюсь, они друг дружку не поубивали? – задала риторический вопрос Клава суховатым голосом.

– Да нет, браниться продолжили. Лизка кричит: «Ты, рыжая бестия, Васю у меня отбила!.. Да ты, кикимора болотная, должна быть благодарна мне, что я Саше про твои шуры-муры не доложила! С отъездом любовника ты следить за собой перестала – вот и стала ему противна. Он на твою конопатую рожу смотреть не желает!.. А я-то тут при чём?.. Саша сам ко мне липнет!»

– Маруська, наверное, тоже в долгу не осталась.

– Да. Завопила, что на неё, на Лизку, даже комары не садятся, потому как «у скелета крови быть не может!» Досмотреть представление я не смогла: побоялась двум фуриям под горячую руку попасть!.. Клав, а ты своего муженька ничуть не ревнуешь, что ли? – обратилась к слушательнице бабка.

– Ревную, конечно, только что толку. До свидания, тетя Тамара. Так я рассчитываю на ваше молочко в понедельник. Если меня не застанете дома, его заберёт сынишка.

– Здравствуй, любовь моя! – поприветствовала Маруся Василия, кинувшаяся ему навстречу, как только услышала знакомый шум мотора. – Я уж пятый день коз пасу возле тропки, ведущей к твоему лесному домику. Всё надеялась увидеть тебя. Давно вернулся? – спросила она, подставляя свои алые губки для поцелуя.

– Где-то около недели назад, – сообщил он и чмокнул её в щёчку. – Сегодня приступаю к работе. Смотри, чтоб твои проказницы деревья не обгрызали. Ты, случаем, не заболела ли?.. Выглядишь неважно.

– Как можно замечательно выглядеть, тоскуя по тебе! Вась, мне без тебя плохо. Я так по тебе соскучилась!

– А перед моим отъездом говорила, будто осознала, что Сашу любишь, боялась его потерять.

– Лучше бы уж потеряла, чем влачить возле него жизнь изгоя. После того как твоя благодетельная его отшила, он с нашей соседкой, твоей бывшей пассией, снюхался. Представляешь, мой муженёк с этой белобрысой вдовушкой без зазрения совести у меня на глазах милуется! Он это мне назло делает!

– Ты хочешь сказать, что моя Клава встречалась с твоим благоверным?! – изумился Вася.

– Ну да. После того как я призналась Саше в нашем с тобой прегрешении, он к твоей жёнушке стал клинья подбивать и, представь себе, у него всё получилось! Это, по-моему, месть такая нам с тобой. На самом-то деле он Клаве без надобности, да и ты тоже ей больше не нужен. Она мне сама это сказала. Вась, давай снимем частное жильё и будем жить вместе. Я на прежнюю работу, на хлебопекарню, устраюсь, откуда по настоянию благоверного уволилась. Он, видишь ли, без собственного хозяйства и без козьего молока жить не может. А мне его козы, куры да огороды поперёк горла стали! Сам-то Сашка палец о палец не ударит дома, – приврала Маруся.

– Я подумаю над твоим предложением. Как ты смотришь, чтобы встретиться завтра в обычное время на том же месте? – шепнул ей Василий ласковым голосом, решив, что раз уж у них у обоих в семьях всё пошло прахом, почему бы и не продолжить интимную связь.

– Обязательно приду! – заверила зазнобушка, расцветая улыбкой.

На другой день Вася раскаялся, что предложил Марусе возобновить встречи. Хоть она и выглядела прекрасно, ему уже не хотелось ублажать, обнимать, целовать её как прежде. Его страсть к ней словно бы улетучилась, но только язык не поворачивался признаться ей в этом.

– Вась, хоть ты не бросай меня, а! – заискивающе обратилась к нему Маруся, почувствовав его некоторое охлаждение.

– Давай не будем далеко загадывать. Я пока что женатый мужчина, а ты замужняя женщина. Пусть всё идёт, как идёт, – предложил он уклончиво.

Они вышли из избушки и, поцеловавшись на прощанье, каждый направился по своим делам: Маруся погнала коз, а Василий отправился объезжать на мопеде вверенную ему территорию. Ни один из них не заметил наблюдающего за ними из-за кустов Лёню. Выждав, когда они скроются, пострелёнок погнал на велосипеде в сторону дома.

– Ну, прокатился?.. Теперь я проедусь, – заявил Вова, когда он подъехал к своему подъезду.

– Да ради бога, – уступил Лёня с напускным недовольством, тогда как на самом-то деле был рад, что ему не придётся тащить на пятый этаж такую тяжесть. – Вов, ты в курсе, что папа встречается в лесной избушке с рыжей тёткой, которая молоко нам носила? – спросил он брата.

– Разумеется. Они с самой весны там трутся. Многие мужчины погуливают, лишь бы жёны не догадывались.

– Я думаю, что мама с папой из-за этого разводятся, – высказал свою мысль Лёня.

Ничего не сказав, Вова сел на сиденье и покатил в сторону дороги.

– Привет! – поздоровался Лёня с Ниночкой, играющей в песочнице с пухлощёкой златовласой крохой. – Это что за пампушечка такая с конопатками на носике? – поинтересовался он у подруги.

– Меня Галочкой зовут, а фамилия моя Загуляева, – представилась малышка, почти не картавя.

– Она моя двоюродная сестра, мамина племянница. Ей четыре года. Её мать по профессии врач-терапевт, а отец – инженер. Загуляевы приехали сюда работать. Они проживут у нас некоторое время.

– Понятно. Выходит, что ты теперь няня.

– Это ненадолго. Им обещают жильё и место в садике.

Если у Клавы до этого времени ещё имелись сомнения насчёт развода, то теперь их не осталось: во-первых, от Лёни она узнала, что Василий продолжает встречаться с любовницей, а во-вторых, подтвердилось её подозрение на беременность и получалось, что ребёнок, скорее всего, зачат не от мужа. В действительности-то гинеколог озадачила её, поставив восьминедельный срок.

«Это не соответствует истине, – подумала Клава. – Я не могла забеременеть, когда с мужем в течение долгого времени не было близости, а с любовником стала встречаться лишь через две недели после предполагаемого зачатия». Она попыталась убедить гинеколога, что такой срок беременности невозможен, поскольку получается, что после зачатия у неё были месячные, но врач стояла на своём. И тем не менее Клавдия решила, что забеременела от Александра. Она не собиралась навязывать Василию чужого для него ребёнка, но и Сашу ставить в известность о его отцовстве не желала: связывать с ним свою судьбу не входило в её планы.

– Вась, не забудь, что завтра в одиннадцать ноль-ноль мы оба должны быть в загсе, – обратилась Клава к подвыпившему мужу. —Постарайся быть трезвым. Не подведи, ведь мне придётся отпрашиваться с работы. Давай покончим с неопределённостью. Это в твоих интересах: ты сможешь зарегистрировать брак с Марусей.

– А кто тебе сказал, что я хочу на ней жениться? Между прочим, она замужем.

– Твоей бездетной пассивности оформить развод проще простого. Если уж ты настаиваешь, давай поделим квартиру, только имей в виду, что я буду требовать жилплощадь для себя и троих детей, – заявила она Василию.

– И где же твой третий ребёнок? – спросил он с изумлением.

– Здесь, – ответила Клава, поглаживая свой совсем ещё плоский животик.

– Здорово! – возгорелся надеждой Василий.

– Это не твой ребёнок! – охладила она пыл мужа.

– Но ты не могла забеременеть от Прусакова!

– Значит, любовница доложила тебе о нас с Сашей, – констатировала Клавдия. – Я ожидала это.

– Маруся уверена, что её муж бесплоден. За тринадцать лет прожитых вместе он так и не смог зачать ей ребёнка.

– А ты не допускаешь, что она сама не способна родить младенца из-за неудачного аборта, сделанного в юности?

– Маруся говорила, что он – первый её мужчина.

– Ха!.. Тогда почему она не забеременела от тебя или от предыдущих любовников?

– И сколько же их у неё было? – спросил Вася не без иронии.

– Судя по слухам – немало! Думаешь, ей ни за что, ни про что от мужа достётся?

Василий счёл благоразумным промолчать.

– Если ты носишь ребёнка не от меня, почему я должен делиться с ним жилплощадью?

– Да ведь папаша-то моего будущего малыша до сих пор делится с тобой жёнушкой! – с ехидцей заметила Клава. – А ты попробуй, докажи, что это не твой ребёнок. По указанному врачом сроку выходит, что зачатие произошло, когда я с Сашей и знакома-то практически не была, но и с тобой к тому моменту мы уже довольно долгое время не были близки, поскольку

тебе хватало Маруси, из чего следует вывод: младенец зачат Святым духом! – заявила она с усмешкой.

– Так может он всё-таки мой?..

– Не твой! – обрезала его жёнушка твёрдым тоном, лишив всякой надежды.

– Распутная потаскуха! – взъярился Василий и дал ей пощёчину с такой силой, что на лице её отпечатались все его пятерня.

– Вот и чудесно. Завтра будет что привести в качестве ещё одного веского аргумента в пользу расторжения брака, – заявила чудом устоявшая на ногах Клава, потирая ушибленную щёку.

– Я ударил тебя впервые за все годы нашего брака, – выпалил Вася, злясь на себя за несдержанность.

– Но люди-то этого не знают, и мой синяк к завтрашнему дню будет в самом подходящем цвете. Между прочим, я ещё успею сегодня сходить в поликлинику и засвидетельствовать побои, – пригрозила жёнушка, взглянув на часы.

Василий сторал со стыда от сознания, что поднял руку на женщину – мать своих детей! Он испытывал раскаяние, чувствовал тягость на сердце.

– Клав, прости ради бога. Это вышло импульсивно. Я не приду ни в загс, ни в суд. В конце концов, нас разведут и без моего согласия, так что ты можешь считать себя свободной уже сейчас, – заявил он, понутив голову. – Квартиру я, разумеется, оставляю тебе и детям. От алиментов отлынивать не стану. Постараюсь больше уделять внимания Лёне и Вове, хотя теперь это будет сложнее. За своими вещами приду завтра, – проговорил он, становясь мрачнее тучи, и вышел из дома.

Эту ночь Василий провёл в лесной избушке, а наутро отправился искать подходящее пристанище. Ему удалось не задорого снять в старом бараке однокомнатную квартирку без всяких удобств. Он был рад и такому жилью – это всё-таки лучше, чем кормить комаров в лесном убежище. Когда Василий пришёл домой за вещами, Клавы там не было, а уложенные чемоданы стояли у входа. Находящимся в квартире поникшим сыновьям он пообещал, что они будут видеться часто.

Придя с работы, Александр сытно покушал вместе с женой и прилёг отдохнуть. Маруся же занялась наведением порядка на кухне. Она уже банки помыла и специи приготовила, собираясь консервировать огурчики, ей осталось лишь собрать их с грядки. Заходя во двор с полными вёдрами, Маруся услышала воркование за соседским забором и, конечно же, узнала голоса. Оставив одно ведро с огурцами у крыльца, со вторым она отправилась к Лизавете. Приоткрыв уличную калитку соседки и увидев целующуюся во дворе сладкую парочку, Маруся распахнула её уже настежь и давай пулять огурцами в обоих!

– Получайте! Получайте! – злобно выкрикивала она, метая в них огуречные снаряды, причём без единого промаха.

Когда пришедший в себя Александр отнял у неё ведро, в нём больше половины огурцов уже не было.

– С ума спятила? А ну марш отсюда! – скомандовал он разъярённо и, схватив жену за запястье, потащил на свою территорию, не стесняясь при этом в выражениях.

– Всё!.. Лопнуло моё терпенье! – заявила Маруся, выдернув онемевшую руку едва они вошли в дом, и направилась в спальню.

Сняв с шифоньера чемодан, она принялась укладывать в него свои более или менее ценные вещички и самую необходимую одежду.

– Ничего не хочешь сказать на прощанье? – спросила Маруся вальяжно развалившегося на диване мужа, когда всё было собрано.

– Нет, – равнодушно ответил Александр и стал наблюдать, как она выволакивает из гостиной два битком набитых чемодана.

Он и ухом не повёл, услышав донёсшийся до него грохот и звон разбивающихся банок.

– Милый, я так и думала, что найду тебя здесь! – радостно воскликнула Мария, обнаружив любовника в лесной избушке. – Мы не виделись целую неделю!.. Ты исхудал, осунулся за это время. Неужели и у тебя не всё в порядке дома? – спросила она, обратив внимание на его сумрачный вид и на слегка помятую тенниску, которую он словно бы не с плечиков снял, а вытащил из стопки слежавшегося белья.

– Что-то стряслось? – задал вопрос Вася, не удостоив её ответом.

– Да. Я ушла от Сашки. Насовсем! А у тебя как дела на семейном фронте?

– Клава, как и следовало ожидать, выжила меня из квартиры!

– Сочувствую. И где ты теперь обитаешь?

– Снял однокомнатное жильё в гнилом бараке.

– Васенька, миленький, возьми меня к себе. Ты не покаешься. Мы нужны друг другу, – принялась уговаривать Маруся, ластясь к нему. – Я уже и на работу устроилась, так что обузой для тебя не буду. Ехать в деревню к матери и брату я не хочу, а больше податься мне некуда. Последние несколько дней я ночевала у знакомой. Стеснять её и далее своим присутствием я не могу. Ну, так как? – спросила она, стараясь очаровать его чувственным взглядом.

Сознавая, что ему сложно будет обходиться без женского внимания и присмотра, Вася дал ей свой новый адрес, а потом они занялись любовью.

Василия дважды вызывали по делу о разводе, и он оба раза не явился. Клава не стала больше настаивать на расторжении брака, решив, что для неё это не суть как важно, что в недалёком будущем ему понадобится развод, и он сам обратится к ней по этому поводу. Ей стало известно, что Вася, уйдя из семьи, сразу сошёлся с Марусей. Это было предсказуемо, ведь они продолжили любовную связь и после его возвращения из Украины. И всё же Клава приняла близко к сердцу то, что он моментально нашёл ей замену во всех смыслах слова. Она не препятствовала его встречам с детьми, лишь поставила условие, чтобы это происходило не в её доме. По большей части сыновья общались с отцом в снятой им квартирке, а иногда на природе или в лесном домике. Клава избегала встреч с Василием, считая, что теперь им незачем видаться, и всё же тосковала по нему. Хотя она и запретила изменнику приходить в её с детьми жилище без особой необходимости, всё-таки с трепетом бросалась на каждый неожиданный звонок в дверь. Вот и на этот раз кинулась открывать её, будучи в сильном возбуждении, однако в дверях стоял не Вася, а Александр.

– Здравствуй, золотко. Это правда, что ты беременна от меня? – спросил он тихим голосом, глядя на её округлившуюся талию.

– Должно быть, тебе Маруся наплела чепухи со слов Василия. Я намеренно ввела его в заблуждение, чтобы он отстал от меня. Саш, не волнуйся по этому поводу. Ребёнок не от тебя, – заявила Клава.

– А ты можешь хоть как-то доказать это?

– Разумеется. У меня есть направление на обследование, выданное в женской консультации. В нём указан срок беременности на сегодняшний день, – пояснила она, доставая из сумочки нужный документ. – Тут написано, что срок двадцать две недели. Если бы это был твой ребёнок, то было бы указано менее двадцати недель. Да ты и сам можешь подсчитать.

– Врач могла ошибиться.

– Но не в сторону увеличения. Можешь поинтересоваться у рожавших женщин. Я знаю это на собственном опыте: мне дважды задерживали декретный отпуск, убавляя срок беременности на десять дней.

Клавдия вроде как убедила разочаровавшегося Александра, но не себя. Она была почти уверена, что носит его ребёнка. Её озадачивало лишь то, что он, дожив до солидного возраста, не зачал дитя ни одной

женщине, однако, придя на очередной приём в женскую консультацию, Клава увидела Лизу Парашину, с которой в данное время, как известно, сожительствовал Александр. Она вышла из кабинета гинеколога сияющая и кинулась к ожидавшей своей очереди беременной женщине.

– Здравствуй, Катюш! Тебе, похоже, скоро рожать? – обратилась к своей знакомой Лиза.

– Да нет. До родов больше месяца. Тебя-то какими судьбами сюда занесло?

– Я тоже беременна! Уже четыре-пять недель.

– Саша знает?

– Нет. Я не стала ему говорить, поскольку не была уверена, но сегодня обязательно пора-
дую.

– А не боишься рожать первенца в тридцать девять лет?

– И ты туда же! Хватит уже, а! Меня и так врачиха запугала: говорит, что есть угроза выкидыша, так как у меня резус отрицательный, а у Саши положительный, но, если даже и удастся сохранить ребёнка, придётся, дескать, делать кесарево сечение, потому как сама родить я не смогу: таз, видишь ли, у меня узкий. А ещё страшает, что младенец может родиться с отклонениями. Вот возьму и рожу здорового парнишку вопреки её мнению!..

Клава не дослушала разговор, поскольку её пригласили в кабинет гинеколога.

«Саша так мечтал о собственном ребёнке и теперь у него родятся сразу двое детей!.. Вот только о первенце он не узнает», – размышляла она на пути к дому. Клава порадовалась за Александра. Она посчитала, что поступила разумно, скрыв от него правду о своём будущем малыше. «Незачем забивать ему голову по поводу моего ребёнка, в то время как он не сегодня завтра женится на Лизе, и она родит ему законнорождённого сына или дочку», – рассудила Клавдия.

– Вась, а Вась, ты собираешься разводиться с бывшей благоверной? – обратилась Маруся к любовнику.

– А ты со своим?..

– Разумеется. Сашка сам подал на развод. Он сказал мне об этом сегодня. Представляешь, эта белобрысая выдра забеременела от него и решила на старости лет родить ребёнка! Они спешат узаконить отношения, прежде чем её живот будет замечен. Ну, так как?.. А мы с тобой поженимся?

– Не вижу в этом необходимости. Ты-то ведь не беременная!

– Но это не значит, что я не хочу выйти за тебя замуж.

– Роспись не является показателем нерушимости близких отношений. Да и какая семья без детей.

– Может мне стоит полечиться? Вдруг и у нас родится ребёночек!

– На старости лет?.. Не забыла, что тебе тридцать шесть уже стукнуло? – язвительно напомнил Василий.

Маруся обиженно надула губки и до самой ночи с ним не разговаривала. Вася обратил внимание, что она начала слишком много требовать от него и транжирить деньги: ей требовалось купить то одно, то другое, тогда как на его-то нужды ей было наплевать! Маруся так и не смогла найти подход к его сыновьям, а теперь и вовсе стала раздражать их своим занудством. Мальчики всё реже и реже появлялись в его каморке. Василий опасался, что с наступлением холодов он и вовсе перестанет с ними видаться: не в лесной же неотапливаемой избушке встречаться, куда скоро добраться можно будет лишь на лыжах!

– Как чувствует себя мама? – поинтересовался Вася у заскочившего на минутку накануне Нового года Вовы, воспользовавшись отсутствием Маруси: она слишком раздражалась, когда он расспрашивал сыновей о бывшей супруге.

– Нормально. Скоро ей должны дать декретный отпуск.

– Отдай это маме. Да смотри, не потеряй, – дал он наставление сыну, всовывая во внутренний карман его пиджака конвертик с деньгами.

Клава не стала подавать на алименты. Вася выплачивал их без принуждения, утаивая от Маруси часть передаваемых ей с детьми денег, но она зачастую догадывалась и выказывала недовольство, приходя в ярость от его щедрот. С каждым днём ему всё больше претило выслушивать её нарекания. Он стал подумывать о замене сварливой зазнобушки на более покладистую молодницу. А ведь всё было восхитительно, пока они чувствовали себя тайными любовниками, пока их не застукала Клавдия. Опытная Маруся всегда была ласкова с ним и готова на всё в сексуальных утехах. Занимаясь запретной любовью, их охватывала такая эйфория, что они забывали о своей несвободе, теряли порой разум и бдительность. До этой женщины у Василия ни с кем не было таких острых ощущений. Она и сейчас устраивала его в постели, но слишком частое её мелькание перед глазами стало его раздражать. Да и отношение её к его сыновьям было ему не по нраву. А ещё его сердило Марусино нежелание заботиться о его гардеробе и об уюте в их тесной комнате. Приготовленная ею пища стала казаться ему безвкусной, но он всё же ел её да помалкивал. Сам-то он хоть и умел, но не любил готовить, считая это занятие отнюдь не мужским делом. На её манеру одеваться в молодёжном стиле, как и на то, что она флиртует с парнями, стремясь вызвать у него чувство ревности, Вася относился с полным безразличием. Теперь он понимал, почему любивший её Александр терял самообладание, набрасывался на неё, нанося побои. А вот сам Василий не поднимал на женщин руку, за исключением единственного случая, когда дал пощёчину Клаве, в чём до сих пор раскаивался.

– Тебе не кажется, что ты обобрала Васю как липку? – накинулась Маруся на Клавдию, остановив на улице.

– А почему бы ему самому не задать мне этот вопрос?

– Мало того что заграбастала Лёнину квартиру и всё совместно нажитое вами имущество, так ты ещё и финансы с него дерёшь в три шкуры!

– Мебель он нам с детьми сам оставил, да и жилище тоже. Квартира, между прочим, была выдана нам на всю семью. А что касается денег, так пусть напишет заявление в свою бухгалтерию, и алименты будут высчитывать у него из зарплаты, сколько положено по закону. Я у него ничего не вымогаю.

– Я сама займусь этим вопросом. Не позволю, чтобы Вася выплачивал алименты ещё и на нагулянного ребёнка, который родится не от него, – пригрозила Мария, окидывая завистливым взглядом её располневшую фигуру.

Клавдия пожала плечами и пошла дальше. Сейчас она жила в гораздо большем достатке, чем при муже. Теперь ей не надо было тратить на покупку дорогой одежды для него, кормить его всякими вкусностями. Не особенно ущемляя себя и детей, она имела сейчас возможность откладывать средства и про запас, рассчитывая после родов хотя бы годик не работать, а посвятить этот отрезок времени воспитанию сыновей и уходу за грудным ребёнком. Свою долю денег, присланную братом за продажу родительского дома, Клава вложила в недвижимость: купила небольшую дачку, где намеревалась проводить лето с детьми. Она полагала, что её сыновьям там будет, чем заняться, а земелька станет подспорьем в хозяйстве. Хоть мужчины в данное время Клаву не интересовали, она часто вспоминала Васю. Теперь ей начало казаться, что не всё было так уж плохо в их совместной жизни.

– Ты кого-то ждёшь? – спросила Маруся Василия, когда в девять вечера раздался звонок в дверь.

– Нет.

– Я тоже. Вероятно, одного из твоих отпрысков принесла нелёгкая в столь поздний час, – высказала она мысль, накручивая на бигуди свои не очень коротко стриженные волосы.

После перенесённого воспаления лёгких Вася чувствовал упадок сил, тем не менее, поднялся с постели и пошёл узнавать, в чём дело.

– Пап, маму в больницу увезли на машине скорой помощи, – сообщил стоящий в дверях Володя. – Она велела сходить к тёте Шуре Апексаниной и поставить её в известность. Эта мамина подруга дала ей обещание присматривать за нами, пока её не будет. А мы с Лёней хотим, чтобы с нами был ты. Но если тебе не до нас, то мы обойдёмся без тебя и без неё.

– Подожди, сынок, я мигом соберусь.

– Ты куда это намыливаешься на ночь-то глядя? – возмутилась Маруся, увидев, как торопливо он одевается.

– У Клавы, похоже, начались преждевременные роды. Дети остались одни. Я должен присматривать за ними.

– Ничего ты не должен. Ты едва на ногах держишься после болезни! Тебе ещё даже больничный лист не закрыли!.. Они большие мальчики, от голода не умрут, тем более что и без тебя найдутся желающие о них позаботиться, – принялась выказывать недовольство Маруся, но он её словно не слышал.

Василий больше полугода не был в квартире, где до сих пор прописан, а придя, не увидел особых перемен, разве что только Клава телефон установила да большую спальню обустроила для себя и младенца, который должен вот-вот родиться.

– Пап, с мамой ничего не случится? Она не умрёт? – спросил Лёня, глядя на отца полными ужаса глазами.

– Разумеется, нет. С чего такие страхи?

– Мама вчера сказала, что малыш должен появиться на свет лишь через месяц, а ведёт себя так, будто уже просится на волю! – пояснил старший сын. – Сегодня ей сделалось очень дурно, она была сама не своя!.. А если с ней и малышом что-то не в порядке? – озадачил его вопросом взволновавшийся Вова.

– Это маловероятно. Возможно, доктор и ваша мама ошиблись в подсчётах, и всё идёт как надо, – стал успокаивать сыновей Вася, хотя у самого душа была не на месте. – А мы сейчас позвоним в больницу и узнаем, как она себя чувствует.

Страх детей передался и ему. Как ни странно, но, когда Клава рожала их первенца и когда производила на свет второго ребёнка, он не испытывал беспокойства. Вася заглянул в лежащий на столике справочник и набрал нужный номер.

– Родильное отделение, – донёсся из трубки звучный женский голос.

– Скажите, пожалуйста, как обстоят дела у Клавдии Стрельцовой. Она поступила к вам около двух часов назад.

– А кто спрашивает?

– Муж.

– Поздравляю, – сказала медичка после некоторой заминки. – У вас полчаса назад родилась дочка. Ваша жена чувствует себя удовлетворительно.

– С девочкой всё в порядке?.. Она ведь недоношенная!

– Ну что вы, папаша! Малышка родилась в положенный срок. Девочка весит три килограмма восемьсот пятьдесят граммов, а её рост пятьдесят восемь сантиметров! Она довольно крупная новорожденная даже для девятимесячного внутриутробного развития. Приходите завтра. Жена вам всё напишет. Извините, у меня больше нет времени на разговоры.

– Спасибо. До свидания, – протянул задумчиво Вася.

Из трубки уже минуту доносились гудки, а он всё смотрел на сыновей блуждающим взглядом. У него всё перемешалось в голове от возникшей несурзности.

– Пап, как там мама? У нас появилась сестрёнка, да? – оживил его голос младшего сына.

– Да. С вашей мамой и с малышкой всё в порядке... В отличие от меня, – добавил он не вполне вразумительно.

Накормив успокоившихся мальчишек ужином и уложив их в кровати, сам Василий расположился в гостиной на диване, предварительно разложив и застелив его чистым постельным бельём, как делала Клава. Ему нигде не было так спокойно и уютно как в этом доме, однако сон не шёл. Он всё прикидывал, подсчитывал в уме, и всякий раз получалось, что кроха – его кровная дочь! Вася не знал, радоваться ли ему этой приятной неожиданности или печалиться, оттого что малышка будет расти и взрослеть без его постоянного присутствия в её жизни. Рождённая двадцать третьего февраля дочка могла бы стать для него наилучшим подарком при других обстоятельствах.

Утром Василий навестил Апексаниных, сообщил им, что у них с Клавой родилась девочка, а ещё уведомил Александру, что сам присмотрит за своими сорванцами, пока их мамочка будет находиться в больнице. По возвращении мальчиков из школы он отправился с ними в роддом. Вася передал Клаве кое-какую полезную для рожениц еду и поздравительную записку, на которую она не ответила, но зато подошла к окну и помахала ладошкой, только с третьего этажа да через двойное стекло её было плохо видно.

Шурочка побывала в роддоме раньше всех. С помощью записки она довела до сведения подруги, что на время её отсутствия Василий перебрался жить к детям. В ответном послании Клава попросила подругу принести ей пакет с приготовленными для новорожденной вещами, объяснив, где положила. От Шурино предложения встретить её с ребёнком в день выписки она отказалась.

– Римма Павловна, разве во время беременности могут быть месячные? – спросила Клава у опытной акушерки перед выпиской.

– И когда же они у тебя были?

– Выходит: на третьей неделе после зачатия.

– Может случилось нервное потрясение или подняла что-то тяжёлое?

– В тот день мне надо было как можно скорее попасть в одно место, и я воспользовалась стоящим на балконе велосипедом. Вернувшись к подъезду в расстроенных чувствах, я подняла его на пятый этаж, а вскоре почувствовала боль в нижней части живота, но не придала этому значения, поскольку такое случалось при женских делах, которые у себя обнаружила. К утру я слегка успокоилась, пришла в себя – и боли прекратились, а вместе с ними и месячные, причём раньше положенного срока.

– На нервной почве и от подъёма тяжести у тебя открылось кровотечение. Ты едва не потеряла ребёнка на ранней стадии беременности, однако твоя малышка упорно цеплялась за жизнь. И у тебя оказался крепкий организм, коль обошлось без выкидыша.

Выходя с новорожденной малюткой из роддома, Клава не ожидала увидеть парадно одетого Васю. Он был в начищенных до блеска ботинках и прямо-таки сиял довольством. Рядом с ним стояли Вова и Лёня. Они тоже были ухожены, их брючки старательно выглажены.

– Дорогая, поздравляем тебя с дочкой, – высказался Василий, подавая ей букет из девяти красных роз. – Можно я понесу Наденьку?

Клава чуть не прослезилась от избытка чувств. Она аккуратно вложила ему в руки закутанную в ватное одеяльце малышку.

– Мам, покажи Наденьку, – попросил Вова.

– На улице ветрено. Потерпите до дома, – мягким голосом возразила Клава. – Вы решили назвать сестрёнку Надей?

– Папа так захотел, – пояснил Лёня.

Она вопросительно посмотрела на Василия.

– Когда мы ждали появления на свет каждого из этих двух шалунов, ты говорила: «Если родится девочка, назовём её Надеждой», – напомнил он, посмотрев на неё многозначительным взглядом.

– Ну и как вы без меня обходились эти три дня? Двоек много нахватили? – обратилась она к мальчишкам.

– Нет. Папа помогал нам делать уроки, – доложил Володя.

Сыновья наперебой стали рассказывать, как замечательно они с отцом проводили время.

– Вов, поставь букет в воду, – попросила Клавдия сына, войдя в квартиру.

– Не надо было тратить на дорожные цветы, – заявила она Василию. – Или ты получил их на двадцать третье февраля от возлюбленной и по случаю передарил мне? – спросила Клава, вводя его в неловкость своим подначиванием.

– Разумеется, сам купил, – ответил он с видом оскорблённой невинности, следуя за ней в когда-то их общую спальню.

– Извини, просто ты не дарил мне таких букетов даже в пору летнего цветения, когда рождались наши сыновья, – бегло упомянула Клавдия, раскутывая дочку.

– Она прелесть! – восхитился Василий, вглядываясь в личико крохи.

– Мам, у неё волосики как у Лёни и папы, да и глазки тоже карие! – заметил Володя.

– Ваша сестричка совсем малютка. Цвет волос и глаз может измениться, – сухо заметила Клава, чувствуя, что слова сына пролились бальзамом на душу Василия – отца всех её детей.

– Разве что чуть-чуть, – возразил с осторожностью папаша. —Так как ты хотела назвать нашу дочку?

– Я собиралась обсудить это с Вовой и Лёней.

– Мам, мне нравится имя Надежда, – заявил старший сын.

– Мне тоже, – выказал единодушие младший.

– Вот и договорились, – согласилась мамочка. – А теперь, мальчики, оставьте нас, девочек, ненадолго. Нам надо привести себя в порядок, да и кушать малышке пора.

Словно в подтверждение её слов кроха зачмокала губками. Клава сунула ей в ротик пустышку, но она вытолкнула её язычком и обиженно разразилась плачем. Когда Клава, положив спящую малютку в кроватку, вышла в гостиную, сыновей дома уже не было.

– Я Вову с Лёней покормил. Они убежали по своим делам, —опередив её вопрос, отчитался Василий.

– А сам ты разве никуда не спешишь? – спросила она, давая понять, что в услугах его больше не нуждается. – Вась, спасибо, что выручил нас.

– Они ведь и мои дети тоже!.. Клав, я знаю, как трудно будет тебе справляться одной с двумя сорванцами и такой крохой. Я просто обязан быть с вами.

– Хочешь вернуться в семью после всего, что было?.. Нет уж, извини. Это невозможно.

– Клав, хватит глупить! Ты отплатила мне той же монетой.

– Никакой отплаты с моей стороны не было, – обрезала его Клавдия. – Всё происходило от отчаяния. Я решилась на безрассудный поступок, будучи уверенная, что между тобой и мной всё кончено. Мне не хотелось в тридцать лет хоронить в себе женщину – вот я и вздумала начать новую жизнь с другим мужчиной. Но, слава богу, вовремя опомнилась. Нельзя дважды делать одну и ту же ошибку: связываться с первым встречным мужчиной.

– Но я-то для тебя давно уж не первый встречный. Хотим мы этого или нет – нас соединят дети.

– И что?.. По-твоему, женщине не унижительно жить с мужчиной, который её не любит, не ценит?.. Сосуществование с таким человеком лишь ради детей и внешнего показного благополучия – это глумление над собой! Вась, живи со своей возлюбленной и будь счастлив. Её-то тебе никто не навязывал. Ты выбрал её сам! А я уж как-нибудь справлюсь. Я сильная!

– Гордыня заела?.. Зачем взваливать на себя непосильную ношу, когда тебе от души предлагают помощь? Я без тебя не пропаду, а вот тебе как бы раскаяться не пришлось, да только поздно уже будет!

– Ты хочешь сказать, что готов жениться на Марусе?.. Так давай дерзай! Проблем с разводом у тебя не будет, – дала отпор Клавдия.

Её словно бы кто за язык тянул, вынуждая высказать то, о чём в будущем может и пожалеть.

Василий ушёл, не попрощавшись. Всплакнув в одиночестве, Клава принялась за накопившиеся за время отлучки дела, убеждая себя, что поступила верно.

Ещё на подходе к квартире Маруся поняла, что там происходит нечто невообразимое. Оттуда доносился грохот, сквернословие и звон разбивающегося стекла.

– Чёрт! Чёрт! Чёрт!.. – услышала она злобное чертыханье, открывая входную дверь, а войдя в комнату, увидела, как Василий наносит удары в стену, бьёт по ней кулаками, разбивая их в кровь.

– Ты пьян? – робко спросила Маруся, почуяв запах алкоголя.

Столь разъярённым она никогда его не видала, потому и перепугалась. Когда Саша вёл себя подобным образом, ей было несдобровать.

– Нет! – рявкнул Василий, срывая злобу. – Просто разбил бутылку водки, купленную в надежде, что ты изволишь поздравить меня с мужским днём, организуешь праздничный ужин!

– Извини, я запамятовала; вспомнила лишь, когда ты слинял из дома почти на четверо суток, но тогда уж была сердита на тебя. Так это и есть повод для буйства? Или произошло что-то ужасное?

– Клава родила дочку! Разве до тебя не дошли слухи? – спросил он не без язвительности.

– И что?.. Надеюсь, она не скончалась во время родов?

– С ней всё в порядке и с нашей малюткой тоже!

– С чего ты взял, что это твой ребёнок?

– Акушерка уверила меня, что новорожденная не может быть недоношенной. Клава старших детей рожала в положенный срок и эту малышку тоже! Вова родился весом три килограмма четыреста граммов, Лёня – три двести, а девочка весит аж три килограмма и восемьсот с чем-то граммов. Я покумекал и понял: она зачата за две или три недели до того дня, когда Клава застала нас с тобой в избушке. Малышка, несомненно, моя дочь! Да она и похожа-то на меня!

– Двое у вас с ней детей или трое – разве что-то меняет?

– В том-то и дело что нет!.. Вот это меня и бесит!

– Ты можешь не признавать этого ребёнка...

Вася глянул на неё с такой жёлчью, что она осеклась.

«Разве эта женщина способна понять материнские, а тем более отцовские чувства?.. Правильно распорядилась судьба, лишив её способности производить потомство. Из неё не получилась бы хорошая мать», – пришло ему в голову.

Василий почувствовал некоторое облегчение, сорвав гнев на Марусе. Жизнь его вроде как потекла своим чередом, однако хандра и тоска не отпускали, пока помощник не намекнул, что бухгалтер Юля к нему не ровно дышит. Он знал эту женщину около четырёх лет, но никогда не думал о ней как о предмете страсти.

«Почему бы и не пофлиртовать, коль Маруся опостылела, а жена не принимает!.. Юля пока что свободная женщина. Ей тоже требуется мужское внимание, а у меня ещё не было полненьких подружек. Может она отвлечёт от тягостных мыслей, станет на какое-то время отдушиной», – рассудил Василий и начал оказывать ей знаки внимания. В результате у них завязались тайные интимные отношения.

Навестившая Марусю двоюродная сестра сообщила ей, что у матери её случился инсульт с расстройством двигательных функций: у неё стала плохо действовать левая рука, появилась заторможенность речи, говорит она невнятно и почти ничего не ест. Эта родственница заявила, что ей следует немедленно ехать в деревню, если хочет застать мать живой. Маруся посещала родичей крайне редко, потому что не ладила с невесткой, но на этот раз не могла не откликнуться. Взяв на недельку отпуск без содержания, она отправилась в свою деревню, сказав Васе, что вернётся не позднее следующего воскресенья, так как в понедельник ей надо быть на работе. Маруся надеялась, что кратковременная разлука пойдёт им на пользу, что Василий соскучится, одумается и станет таким же страстным и чувственным, каким был в самом разгаре их отношений.

Невестка встретила её на редкость радушно и сразу же попыталась нагрузить домашними делами, да не тут-то было, так что без ссор не обошлось и на этот раз. Посыпавшиеся упрёки вконец испортили Марусино и без того паршивое настроение. Пробыв с больной матушкой трое суток, она поняла, что умирать её мать пока что не собирается и, сославшись на необходимость вернуться к работе, поспешила уехать, пообещав в скором времени навестить их вновь. От этого посещения родичей у неё остался неприятный осадок, а пока ехала из деревни на автобусе да добиралась домой с автовокзала, её и вовсе охватила тревога.

Обычно весной, летом и осенью Василий с раннего утра и до позднего вечера занимался служебными делами, застать его дома в такую пору в шесть вечера практически было невозможно, а тут дверь оказалась не заперта даже на защёлку! Затаив дыхание, Маруся потихоньку вошла в коридорчик и — о, ужас! — наткнулась на чужие женские вещи. А из гостиной тем временем доносились специфические ахи-вздохи, пыхтения да томные постанывания.

— Ну и что здесь происходит? — спросила она с негодованием, входя в комнату, где Вася занимался любовью с темноволосой коротко остриженной пышечкой.

Смутно знакомая ей дамочка подскочила с разложенного дивана как ужаленная и спешно принялась одеваться, на глазах покрываясь алыми пятнами.

— А теперь марш отсюда!.. И чтоб я близко тебя возле моего мужа не видела! — завопила Маруся, когда его новая пассия наспех накинула на себя одежду.

— Юль, не спеши, — успокаивающе обратился к подружке Василий, указывая взглядом на забытые трусики.

— Мань, давай ты не будешь управлять моей жизнью, — перекинул он внимание на сожительницу. — Ты не забыла, случаем, что я тебе не муж, а ты мне не жена? Если тебя что-то не устраивает, можешь отправляться на все четыре стороны.

— Я так и знала, что этим всё кончится! — взвилась Мария, кидаясь на него злобной фурией.

Пока она старалась добраться до Васиного лица своими длинными ногтищами, его подружка выскользнула из квартиры и кинулась прочь, радуясь, что легко отделалась.

— Прекрати сейчас же! Нас с тобой по большому счёту ничего не связывает! Даже жена никогда не позволяла себе такого рукоприкладства! — взвыл он от злости, удерживая Марусю за оба запястья, тогда как она норовила попасть ему в пах коленом.

— Потому что не любила, не дорожила тобой, как и ты ею! Сам утверждал, что вас связывают лишь дети! А со мной тебе было хорошо! Ты был без ума от меня, говорил, что любишь! — высказалась Маруся.

— Чего только не скажешь в пылу страсти, чтоб усилить наслаждение, — парировал Вася с ухмылкой. — Ну, так что?.. Успокойся, и обсудим всё мирно или выставить тебя за дверь прямо сейчас? — спросил он, оглядев её пристальным взглядом.

— Да я и сама не останусь жить с таким ничтожеством, даже если будешь умолять меня на коленях! Ты неисправим! Правильно Клава делает, что не прощает изменника: горбатого

могила исправит! Из-за тебя, самодура, я потеряла мужа – человека, с которым прожила тринадцать лет. А ведь он любил меня до умопомрачения! Какая же я была дура!

– Так в чём дело?.. Твой бывший мужёнок овдовел, и дорога к нему открыта! Ему опять требуется домработница, но теперь уже на два дома. Говорят, он няню ищет для новорожденного сынишки. Топай к нему. Место пока что свободно! – произнёс Василий издевательским тоном.

– Я бы с радостью, да только вряд ли он примет меня. Полагаю, Александр побрезгует спать со мной после такого морального уроды, – с желчью выговорила Маруся, принимаясь торопливо собирать свои вещи.

Клава гуляла возле дома с четырёхмесячной малышкой, и тут её окликнул знакомый мужской голос:

– Здравствуй, золотце!.. Как дела? – спросил Александр, заглядывая в коляску.

– Растёт потихоньку, – отозвалась она с грустинкой. – Саш, я в курсе, что Лиза умерла при родах. Прими моё искреннее соболезнование. Твой малыш всё ещё находится в роддоме под наблюдением врачей?

– Да. Он чудом выжил, ведь Лиза родила его значительно раньше срока. Сейчас с ним вроде бы всё в порядке. Он набрал необходимый для выписки вес. Врачи считают, что у него нет никаких отклонений. Лизе нельзя было рожать. Она решилась на этот отчаянный шаг, рискуя своим здоровьем и жизнью. Я благодарен ей за сына. Он для меня — дар божий! Только вот не знаю, что мне теперь делать. Отдать в дом малютки его не могу, а справиться с таким крохой в одиночку я не в состоянии, – посетовал Александр.

Выглядел он растерянным и разнесчастным.

– Это понятно. Малышу необходима материнская забота и ласка. Ты не думал насчёт женитьбы?

– Вот с этим-то я и пришёл к тебе. Клав, выходи за меня замуж. Твои ребятишки не останутся обделёнными моим вниманием: я буду относиться к ним как к родным детям. У меня теперь два дома. Места хватит для всех.

– На кой тебе женщина с тремя детьми? Если уж решил жениться по расчету, найди себе одинокую не слишком молоденькую спутницу жизни... желательно с грудным малышом. Таких матерей-одиночек сейчас пруд пруди! Это будет взаимовыгодное соглашение.

– Женщину способную заменить младенцу родную мать найти не так просто. А нас с тобой связывали близкие отношения, хотя и кратковременные. Ты мне очень нравишься, я тебе доверяю. И ты кормящая мама, что очень кстати.

– Саш, ты очень хороший человек. Я сочувствую тебе, но замуж не пойду. Поищи другой вариант, но прежде всего надо найти выход из затруднительного положения. Когда выписывают твоего малыша?

– Я заберу его послезавтра.

– Вот и чудесно. Я помогу тебе с грудничком на первых порах. Ты постоянно работаешь в день. В таком случае станешь приносить его ко мне утром, а на ночь будешь забирать. Я покажу, как пеленать и купать кроху, научу ухаживать за ним. Всё как-нибудь образуется. Узнай у юристов, не полагается ли тебе оплачиваемый отпуск по уходу за новорождённым ребёнком.

– В августе у меня очередной отпуск по графику. Мне бы хоть первое время как-то перебиться.

– Пойдёшь забирать сынишку – зайди за мной. Вместе сходим за ним в больницу. Пусть он недельку поживёт у меня, да и ты можешь вместе с ним оставаться у нас на ночь. Тебе не помешает освоиться с ним и со своими новыми обязанностями под моим присмотром, прежде чем нести малыша домой.

– Хорошо. Как скажешь, – произнёс Александр.

Тамара Фёдоровна гнала коз по лесной дорожке на нескошенную поляну за опушкой, а они так и норовили забрести в лес. Повстречавшийся на пути Василий недобро покосился на неё и её безобразниц, однако в этот раз промолчал.

– Вась, а Вась, ты чего такой неразговорчивый? – обратилась к нему бабка. – Я вот что тебе сказать хотела: молодец Клавдия! Сама с грудным ребёнком да с двумя сорванцами на руках осталась, а Сашку Прусакова, беднягу несчастного, с грудничком в семью приняла! Такую обузу, такую обузу на себя взвалила!.. Хотя и Александру несладко приходится – на три дома теперь разрывается!

– Вы, наверное, что-то путаете, Тамара Фёдоровна.

– Как это путаю! Я Клаве молоко на дом ношу два раза в неделю по два литра. Не единожды видела его у неё по утрам. Он мне даже как-то дверь открывал, молоко забирал и сам за него расплачивался. А в прошлое воскресенье я встретила их обоих на дороге. Они шли с колясками и о чём-то задумчиво беседовали.

– Вы за блудными своими хорошенько присматривайте, а то вон та уже берёзовую ветку жуёт, – указал он на одну из коз, сделав вид, будто ему нет дела до её сообщения. – Как бы все ваши вырученные за молоко деньги на штрафы не ушли, – пригрозил Василий.

Не желая больше говорить со сплетницей, он продолжил путь. Бабкино сообщение зацепило его за живое. Забыв о назначенной встрече с помощником, Василий прямым ходом направился к Клаве, уверяя себя, что ему просто очень хочется провести дочку. Сыновья в данное время находились в лагере, и он навещал их там по воскресным дням, а вот Наденьку за последний месяц не видел ни разу! Однако не она больше всего волновала его сейчас, на самом-то деле ему не терпелось узнать, что творится в Клавиной личной жизни. По пути Василий заскочил в магазин, купил разноцветную погремушку.

– А ты тут чего делаешь? – набросился он на открывшего ему дверь Александра.

– Живу! – парировал тот, пылая такой же злобой.

В действительности-то Александр уже перестал оставаться там на ночь. Его малыш, родившись весом всего лишь в один килограмм и восемьсот граммов, ко дню выписки набрал дополнительные семьсот граммов, а теперь благодаря Клавиному грудному молоку начал быстро прибавлять в весе. Александр оказался способным родителем. Он с самого первого дня не побоялся взять кроху на руки, был с ним предельно нежен. Новоявленный папочка приносил теперь сынишку лишь на день, чтоб иметь возможность справляться с прочими своими делами. Не желая оставаться в долгу перед Клавой, отказавшейся брать за услуги деньги, Саша по возможности обеспечивал её семейку кое-какими продуктами, поливал грядки на её даче. Иногда они отправлялись туда вдвоём вместе со своими малышами. Со стороны эти двое могли показаться супружеской парой, тогда как на деле Клава даже мысли не позволяла Александру допускать на возврат близких отношений. Они стали просто хорошими друзьями и не желали портить сложившуюся идиллию.

– Привет, – с напускным холодком обратилась к Василию Клава.

Услышав недружелюбный говор, хозяйшка вышла из спальни с пятимесячной дочкой на руках.

– В чём дело? – строго спросила она раскисившихся мужчин.

– Всё в порядке. Просто тут неожиданный гость пожаловал, – пояснил Александр.

– Тогда проходите в гостиную. Коленька насытился и уснул как ангелочек, а вот Наденька проснулась и, покушав, требует предоставить ей свободу. Малышка желает поползти. Подержи, пожалуйста, – попросила она друга, подавая ему кроху, но вклинившийся между ними Вася попытался перехватить дочку.

– Если хочешь подержать Надю, вымой сначала руки, – сделала замечание Клава.

Василий направился в ванную, а затем взял у неё ребёнка. Пока она стелила на полу ватное одеяло, он развлекал малышку принесённой и уже помытой игрушкой, исподлобья косясь на переминавшегося с ноги на ногу недруга.

– Клав, так я пойду, да?.. Может надо что-то купить на обратном пути? – спросил Александр после небольшой заминки.

– Купи пачку соли. Ещё можно пол-литровую баночку козьего молока принести для Наденьки, а то бабкиного совсем мало осталось. Вчера вечером я ей жиденькую манную кашку перед сном дала. Она всю эту ночь проспала спокойно. По-видимому, грудного молока ей теперь недостаточно.

– А если попробовать и Коленьку козьим молоком прикармливать? – высказал свою мысль отец малыша.

– Не стоит, – возразила кормилица. – Он ещё слишком маленький. Ему пока и грудного молочка хватает.

– Как скажешь. Тебе виднее, – согласился Саша.

– Пока-пока! – произнёс он ласковым голосом, взглянув на перекочевавшую к маме малышку, и помахал ей ладошкой, соорудив забавную рожицу, а та весело гукнула, пуская слюнки.

Оказавшись на полу, кроха сразу потянулась к разложенным игрушкам, интенсивно забавлялась ручками и ножками.

– Какая она потешная! Скоро ползать научится. Я так редко её вижу, – подсадовал Вася, с умилением глядя на дочку.

– Может, присядешь? Я пирогов напекла. Будешь? – предложила Клавдия.

– Не откажусь, – заявил он, усаживаясь в кресло.

Она поставила на журнальный столик тарелку с выпечкой, затем сходила за чаем и сахаром.

– Вкусно! – оценил Василий, разжевав и проглотив кусочек капустного пирога. – Давно не ел ничего подобного.

– Неужели Юля выпечкой не балует? – изумилась Клава.

– А ты откуда про неё знаешь? – спросил он насторожившись.

– Встретила недавно Марусю. У неё хватило наглости поплакаться мне, как дурно ты с ней обошёлся! И это после того как увела у меня мужа, разбила мою семью, – довела она до его сведения с лёгкой ехидцей.

– Не Маруся увела меня из семьи – ты сама выставила меня за дверь, – напомнил Василий.

– Но именно она была тому причиной, стала последней каплей моего долготерпения.

– Я специально подстроил ту сцену, о которой Маруся, надо полагать, тебе поведала, чтобы дать ей повод уйти от меня, – солгал он, не моргнув глазом. – Она достала меня своим занудством.

– А как же любовь?

– Да какая к чёрту любовь!.. Нас связывал просто потрясающий секс. Маруся до ужаса страстная женщина, да только вот язык у неё оказался как бритва.

– А кроткая Юлечка, стало быть, устраивает тебя во всех отношениях. С ней у тебя и страсть, и любовь, так что ли? – задала вопрос Клавдия. – Она ведь гораздо моложе Маруси и замужем не была, да и длительных отношений с мужчинами, насколько мне известно, у неё не было, следовательно, и весь пыл её остался нерастраченный.

– С ней я начал встречаться недавно. Мы не живём вместе – так... редкие встречи по выходным. Между прочим, ей тридцать два года. Она на год старше тебя.

Василию не так чтобы хорошо было с Юлей, но хоть какая-то новизна появилась. Он чувствовал, что долго эти отношения не продлятся. Его всей душой тянуло к своей семье. Вася

до сих пор считал, что именно здесь его родной дом. Но теперь Клавье стало известно ещё и о Юле, что усугубило его положение.

– Да знаю я, знаю. Эта пышечка работает бухгалтером в вашем управлении. Не думала, что в твоём вкусе такие толстушки.

– В моём вкусе ты, но ведь ты и близко меня к себе не подпускаешь! Сашка лучше в постели, да?.. Думаешь, он сможет заменить меня и детям?

– Там видно будет, – отмахнулась Клавдия, не желая пускаться в объяснения.

– Саш, здравствуй, – поприветствовала Маруся бывшего мужа, встретив на улице. – Мы не общались с самых Лизиных похорон. Я так и не поздравила тебя тогда с рождением сына. Мне казалось, что это неуместно в столь скорбную минуту. Саш, позволь мне пожить некоторое время в Лизином доме, а! Только не думай, что я тебе навязываюсь. Найду подходящее жильё – съеду. У меня через неделю отпуск. Помогу тебе по хозяйству по возможности, а если понадобится, то и с малышом посижу. Мы ведь с Лизой были не только соседками, а ещё и подругами пока не умер её первый муж Николай. Она очень его любила.

– Так и было. Лиза решила: если у нас родится мальчик, назовём его именем, – подтвердил Александр. – Получается, Василий дал тебе от ворот поворот? – спросил он с подковыркой.

– Я сама от него ушла. Какая же я дура!.. Променяла тебя на этого ловеласа!.. Я так раскаиваюсь!

– Ну, раз деваться тебе некуда, поживи пока в Лизином доме, а потом посмотрим. Помощница мне не помешает. Коза у меня всего лишь одна осталась, да и ту держу только ради Коленьки: ему скоро козье молоко понадобится. Пасты её нет надобности: травы хватает на огородах. Лизин участок я не засаживал. Мне бы со своим управиться!

– Спасибо, Сашенька. Тогда я сегодня же и заселюсь.

– Только у меня есть условие: встречайся со своими ухажёрами где угодно, но только не в Лизином доме, не на моей территории!

– У меня после разрыва с Василием никого не было. Да мне никто и не нужен, – слукавила Маруся.

На самом-то деле она надеялась вновь захомутать Александра и при хорошем стечении обстоятельств повторно выйти за него замуж, а если повезёт, то и усыновить его малыша.

– Клав, ты чем занимаешься? – спросила шёпотом зашедшая к подруге Шура.

– Да так... обычные повседневные дела. Готовлюсь к завтрашнему возвращению из лагеря мальчишек. Надо бы что-нибудь вкусенькое сварганить, но ничего на ум неидёт. Нет настроения. Господи, как же мне хреново!

– Малыши спят?

– Можешь не шептать: Коленьку Саша забрал сразу после обеденной кормёжки и принёсёт его лишь часика через три, а Наденьку

пушкой не разбудишь. Она только-только уснула, наевшись каши.

– А я к тебе с новостью пришла: Маруся, похоже, вновь вернулась к Прусакову!

– Ну и что?

– Как это что?.. Васька-то теперь освободился от этой блудливой бестии!

– А мне какое дело? Свято место пусто не бывает. У него ещё до расставания с ней другая баба имелась на примете.

– Тебе одной не одиноко разве?

– Я не одна.

– Дети не в счёт. Клав, им нужна полноценная семья. Когда родители живут не вместе, за ними трудно уследить, особенно если это сыновья-подростки. Я как подумаю, что судьба может развести нас с Матвеем, всё становится немило. У меня от одной лишь такой мысли пропадает желание что-либо делать, чего-то добиваться.

– У вас другая ситуация: вы поженились по большой любви, а вот нам с Васей не следовало связываться узами брака с бухты-барахты. Я не понимаю, с какой стати ему надо было делать мне предложение. Зачем только я поддалась на уговоры!.. Ключула на его смазливость.

– Как бы то ни было, но за годы, прожитые вместе, ты приросла к нему душой, несмотря на все его недостатки и чудачества. Я-то вижу, как ты не находишь себе места, с тех пор как вы разошлись!.. И не спорь со мной! – опередила Клавины возражения Шура. – Я считаю, что тебе надо быть мудрее. Попытайся простить его. Мне кажется, он одумался, раскаялся и если ты позволишь ему вернуться, ринется в лоно семьи вприпрыжку!

– Сомневаюсь, что он всё осознал. А поставь-ка себя на моё место. Ты сама поступила бы так, как предлагаешь мне?

– Честно говоря, не знаю. Но только я уверена, что ты к нему равнодушна, просто не желаешь признаваться в этом, да и он испытывает к тебе, по крайней мере, нежность и уважение. Вы оба упёртые: сначала не позволяли себе говорить о чувствах из каких-то принципов, теперь же противостоите друг другу из гордости и от обиды, пытаясь что-то доказать. А страдают от этого ваши дети. Твои мальчишки тянутся к отцу, и он тоже их любит. Да Вася и от дочки без ума!.. Клав, а ты сказала ему, что Надя – его кровиночка?

– Он и сам догадался, когда я ещё в роддоме была.

– Вась, ты же вроде как разведён!.. Во всяком случае, я не замечала в последнее время у тебя на руке обручального кольца. Не скажешь, зачем ты натянул его перед моим приходом? – спросила Юля с ноткой неудовольствия, придя к любовнику поздним вечером.

– Для солидности. Если оно тебя смущает, могу снять. Василий демонстративно стянул его с пальца и положил в карман пиджака. Он сам не понимал, зачем надел попавшееся ему на глаза колечко.

– А я принесла бутылочку «Кагора» и дюжину беляшей. Как ты относишься к мясным пирожкам? – обратилась она к нему, ластясь.

Заметив, как посуровел дружок, Юля пожалела о своём бестактном вопросе.

– Положительно, – ответил Вася и, сняв с лица угрюмую маску, пошёл на кухню за тарелкой и рюмками.

Они неспешно выпивали вино, разговаривая о мелочах жизни, затем перешли к поцелуям, а потом добрались и до постели. Новая подружка позволяла ему многое для его убаюкивания, но вела себя скованно и это его напрягало. Они встречались довольно продолжительное время, а он всё ещё чувствовал себя с ней неловко. Такого с ним не бывало ни с одной женщиной.

– Вась, давай ты не будешь предохраняться, – предложила Юля, увидев в его руках пакетик с презервативом. – Я здоровая женщина. А у тебя-то ведь тоже нет никаких венерических болезней? – спросила она с опаской.

– Я в полном здравии. Но разве тебя не волнует, что ты можешь забеременеть?

– Ещё как волнует!.. Я очень хочу родить от тебя ребёнка. У тебя получаются красивые дети.

– Потому что жена красавица.

– Ты всё ещё считаешь Клаву женой?.. Вы больше года как не вместе!

– Мы не разведены и у нас трое законнорождённых детей.

– Для меня это, в общем-то, не имеет особого значения. Я всё равно желаю от тебя забеременеть. Вась, ну пожалуйста! – попросила она, посмотрев на него умоляющим взглядом.

– Юля, миленькая, не обижайся, но два сына и одна дочка —предел моих мечтаний. Побочные отпрыски мне не нужны.

– Понятно. Для создания потомства у тебя есть Клава. Ты используешь её как инкубатор: для вынашивания своих детей. А всё остальное получаешь от других приглянувшихся тебе женщин!.. Не так ли?

– Тебя что-то не устраивает?

– Меня не устраивает всё! Ну почему мне постоянно попадают мужчины вроде тебя?!..
Всем вам только бы уложить женщину в постель! – жалобно проговорила Юля.

– А тебе, выходит, подавай обручальное кольцо и ребёнка в придачу!

– Узаконивание отношений для меня немаловажно, однако я готова воспитывать своего ребёнка и как мать-одиночка. Если ты не захочешь, то никто и не узнает о твоём отцовстве.

– Извини, дорогая, я понимаю твои устремления, что часы твои тикают, но на меня в этом плане не рассчитывай.

– Тогда что я тут делаю? – протянула разобиженная подружка и принялась торопливо одеваться.

«Не очень-то и хотелось», – подумал не слишком расстроившийся Вася, когда она выскочила за дверь, не добавив к сказанному ни слова. И опять его начала одолевать тоска. Мысли о Клаве, о так бестолково потерянной им семье стали вновь точить его изнутри. «Завтра надо забрать сыновей из лагеря», – пришло ему в голову прежде чем он уснул.

Наутро Василий договорился с сослуживцем Степаном, чтобы он поближе к обеду съездил с ним на своей машине за Вовой и Лёней, потом позвонил Клаве, сообщил, что сам заберёт детей и доставит домой не позже двух часов дня.

Мальчишки были в восторге, когда отец приехал за ними на легковом автомобиле.

– Пап, а помнишь, ты обещал, что годика через три-четыре мы купим собственную машину? – спросил его Вова.

– Да-да! – вторил брату Лёня, хитро поглядывая на отца. – Когда мы с тобой прошлым летом уезжали от бабы Леси, ты сказал ей, что долго не приедешь, потому что собираешься копить деньги на машину.

– Теперь это вряд ли осуществимо. Боюсь, что без вашей мамы у меня не получится скопить такую крупную сумму, – признался Василий, удручённо почесав затылок. – А давайте завтра махнём на рыбалку! – попытался он воодушевить сыновей, сменив тему.

– А тётя Маруся тебя отпустит? – спросил Вова, недоверчиво покосившись на отца.

– Нет больше никаких тётей. Она ушла от меня.

– Насовсем-насовсем? – ободрился старший сын.

– Да. Тётя Маруся вернулась к бывшему мужу.

– А кто тогда разбудит тебя рано утром? – поинтересовался повеселевший Лёня.

– Забыл?.. У меня ж будильник имеется!

Василий высадил детей возле их дома и уехал со Степаном. Он испытывал желание подняться в квартиру, но надо было возвращаться к своим обязанностям. А Клава была и рада встретиться с сыновьями без его присутствия, ей не хотелось, чтобы что-то её сейчас напрягло. Мальчишки же, едва переступив порог, бросились в большую спальню, где бодрствовала сестрёнка.

– Наденька так выросла!.. Она ползать научилась! – восхитились ребята.

– А где Коленька? – спросил Лёня, увидев, что стоящая рядом с детской кроваткой коляска пуста.

– Теперь дядя Саша приносит его днём только покормить. А на ночь он берёт бутылочку грудного молока, – сообщила им мать.

Клава насытила сыновей вкусным обедом, побаловала приготовленными для них заварными пирожными. Поиграв немного с сестрёнкой, мальчишки убежали на улицу. Их не было долгое время. Вернулись они перепачканные, от них воняло навозом.

– Наконец-то вырвались на волю?.. Где это вас черти носили?.. Где умудрились так вымазаться? И что за мерзость в банке? – завалила она их вопросами, не слишком сердясь, ведь мальчишки и есть мальчишки.

– Мамуль, это червяки для рыбалки. Разбуди нас завтра пораньше, чтобы мы успели к утреннему клёву, – попросил Володя.

– Хорошо, но пообещайте не ходить на плоты, – поставила она им условие.

– Мы будем рыбачить с берега, где с папой всегда удили. Там глубина достаточная и дно реки не забито топляком, – заверил её Лёня.

– Отец тоже туда придёт, – дополнил слова брата Вова.

– Если только не проспит, ведь будить его теперь некому, а будильник он может забыть завести, – сделал оговорку Лёня, взглянув на мать с хитринкой, тонко давая понять, что у отца сейчас нет никакой женщины.

Ну а Василий лёг спать пораньше, чтоб не проспать рыбалку, однако сон долго не шёл к нему. Проснулся он ближе к утру от стука и переполоха:

– Пожар! Пожар! Выходите! – услышал он женский истошный крик и почувствовал запах дыма.

– В какой квартире? – открыв входную дверь, спросил плохо соображающий спросонок Василий.

– В соседнем бараке на первом этаже. Пламени пока нет, но в любой момент может появиться, а поскольку ветер в нашу сторону, огонь может перекинуться и на нас! Облейся водой и помоги моему сыну поднять всех на ноги в горящем доме. Он такой отчаянный! Как бы беда с ним не случилась!.. Пожарную и скорую помощь я вызвала, – добавила женщина, поднимаясь на второй этаж, обращаясь одновременно и к другим жильцам, повыскакивавшим из квартир.

Когда Вася выбежал на улицу, из обоих подъездов дымящегося дома вываливались толпы людей с детьми и пожитками. Творилась настоящая паника!..

– Сгорит ведь парень-то, сгорит из-за этого алкаша окаянного! Ох, куда ж он лезет! – возмущённо верещала всполошённая бабка.

– Кто и куда полез? – потребовал объяснений Василий. – Да Димка из вашего барака. Этот рискованный парень взломал дверь в горящей квартире на первом этаже, где Юрка-алкаш живёт, и вошёл в неё!

Вася накинул на голову насквозь пропитанный водой пиджак и ринулся вдогонку за парнем.

– И этот туда же! – донёсся до него брошенный ему вслед ор пожилой женщины.

Вбежав в квартиру, Вася услышал возню и кряхтение. В дыму ничего не было видно, но он догадался, что это тот самый Димка волочёт по полу пострадавшего. Ориентируясь на шорохи и ощущения, он ощупью нашёл и подхватил тяжёлую ношу, и мужчины уже вдвоём поволокли потерпевшего на свежий воздух. Едва они выбрались из квартиры, как оттуда вырвались языки пламени! От вспышки огня у Василия опалило руку, но он сгоряча вроде как ничего не почувствовал. Как только молодые люди вынесли бедолагу на свежий воздух, подъехала скорая помощь, а следом – и пожарная машина. Оживить мужчину не удалось, так что старания молодых людей оказались напрасны. Больше погибших не было. Барак же спасти не удалось. Старый древесно-щитовой дом вспыхнул как спичка и сгорел в один момент. Пожарные не очень-то и тратили на него воду. Понимая бессмысленность этого дела, они с усердием поливали соседние строения, следя, чтобы пожар не перекинулся и туда.

Парень, вытаскивавший с Васей пострадавшего, наглотался дыма и получил не слишком серьёзные ожоги. Медикам пришлось приводить его в чувство с помощью кислородной подушки. Василий в меньшей степени надышался гари, ему лишь смазали слегка обожжённую руку.

– Твой отец? – спросил он с сочувствием безутешно плачущую девушку, стоящую с грудничком на руках возле накрытого простыней покойника.

– Нет. Он мой сосед. Я первая выскочила из своей квартиры почувствовав запах дыма. Если бы не дочка на моих руках, возможно, мне удалось бы спасти его, – с трудом выговорила она, захлёбываясь слезами.

– Не удалось бы. Мы – два здоровенных мужика! – еле-еле вытащили этого бугая из хаты. Чувствуешь?.. От него не только дымом воняет, а ещё и перегаром несёт!.. Он был пьян в хлам, когда это случилось. Наверное, уснул с непотушенной сигаретой в зубах – вот отсюда и пожар! – высказал предположение Вася. – Если этот Юра не твой родственник, то и нечего так о нём убиваться. Вон сколько народу по его милости без жилья и без всего осталось.

– Я даже документы схватить не успела!.. Не понимаю, что мне теперь делать без жилища, без средств существования. У меня вообще ничегошеньки нет! Машенька обмочилась, а завернуть её не во что, – посетовала девушка дрожащим голосом и вновь разрыдалась.

– А близкие люди у тебя есть? Где отец ребёнка?

– Я познакомилась с ним, когда он служил в армии на Украине неподалеку от нашей станции. Влюбилась в него как последняя дура. Петя уговорил меня поехать к нему на родину – сюда. Здесь я забеременела. Мы расстались вскоре после рождения дочки. У меня нет финансов, чтоб вернуться в отчий дом, а просить их у родичей стыдно. Мои родители очень строгие. У меня денег-то было всего ничего. Да ещё имелась кое-какая моя и дочкина одежда – и всё это сгорело!

– У малышки, должно быть, есть бабушка и дедушка по отцовской линии?

– Только бабушка... да тётка. Они-то нас с Петей и рассорили. Я не буду просить у них помощи.

– Сейчас не время выдерживать характер!.. Давай ты поступишь так: остановишься с малышкой пока у меня, а не сегодня завтра что-то прояснится. Должны же местные власти оказать погорельцам какую-то помощь! Тем более тебе – одинокой мамочке с грудным ребёнком на руках. Как прикажешь звать-величать?

– Алесей, – сквозь слёзы ответила несчастная.

– Как и мою маму! А меня зовут Василием. Я живу в соседнем бараке. Пойдём?

Бедняжка последовала за ним.

– Ну вот, располагайся. У меня в запасе есть три простыни и пододеяльник. Можешь разрезать их на пелёнки.

– А что жена ваша скажет?

– Жены у меня нет, так что кромсай постельное бельё и не смущайся. Днём я практически здесь не бываю. Пользуйся всем, что найдёшь в этом доме. Вообще-то это съёмная квартира. В холодильнике есть свежее молоко и кое-какие продукты. Кушай без всяких стеснений. Возьми вот немного денег на мелкие расходы. Купи хлеба и может ребёнку что-нибудь понадобится, – предложил Василий, подавая девушке денежную купюру. – Ты извини, но мне срочно помыться и переодеться надо. А потом на работу следует отправиться.

– Так время всего лишь шесть часов утра.

– У меня день ненормированный: чем раньше приступлю к своим обязанностям, тем лучше.

– Может быть, мне выйти ненадолго? – спросила Алеся, покрываясь румянцем.

– Не стоит. Просто не заходи пока на кухню. У тебя малышка мокрая. Займись ею.

Клава проснулась в три часа ночи от дочкиной возни. Она поменяла под ней пелёнку, передела её в сухую одежду, затем приложила к груди. Насосавшаяся кроха совсем разгулялась: принялась гукать, попискивать и, конечно же, разбудила чуткого Вову, а он – Лёню. Услышав тихий говор сыновей, Клава заглянула к ним в комнату.

– Надо же!.. – изумилась мамочка. – Уже оделись и постели заправили. Вы чего вскочили так рано?.. Время лишь полчетвёртого.

– Мам, пока мы доберёмся до Волги, там самый клёв начнётся, – рассудил Володя.

Накормив и снабдив сыновей бутербродами, Клава проводила их за порог, дав массу наставлений. Когда она вернулась в спальную комнату, дочка безмятежно спала в своей постельке. Клава прилегла на кровать в надежде чуток вздремнуть, но сон окончательно развеялся. Почувствовав духоту, она поднялась и открыла настежь балконную дверь, но с улицы вместо свежего воздуха повеяло гарью. И тут послышался приглушённый вой сирены. Выйдя на балкон, Клава увидела вдалеке сначала клубы дыма, а потом яркий всполох огня — как раз там, где снимал жильё Вася. «Пожар. Пылает его барак!» — пришло ей на ум, хотя за строениями трудно было определить, что именно горит. Она заметалась по балкону, не зная, что делать, как успокоиться. Клава позвонила в службу пожарной охраны. Оказалось, что вызов им поступил от жительницы того самого барака, где в данное время обитает Василий. Клава еле дождалась шести утра, чтоб отправиться к подруге не слишком рано.

— Шур, под утро в городе пожар случился. Похоже, Васин барак загорелся. У меня душа не на месте. Надо узнать, не пострадал ли он. Но вот незадача: мальчишки ушли на рыбалку прежде чем я заметила дым в том районе города. Теперь мне Надю не на кого оставить. Она сейчас спит, но присмотреть за ней надо. Выручишь на часок?

— Самой мне на работу пора собираться, но я пришлю к тебе Нину.

— Так она, наверное, ещё спит.

— Разбужу. Она рано вчера уснула.

Нина явилась быстро. Клава в ту же минуту ринулась из дома. Чего она только не передумала пока бежала: «Хоть бы Вася был жив! Лишь бы с ним всё было в порядке. Если он покалечился, заберу к себе...» — путались в её голове сумбурные мысли.

Увидев пепелище, Клаву охватил дикий ужас, и в то же время она испытала некоторое облегчение. Двухэтажный дом сгорел дотла, но это был не Васин барак! Тем не менее, её не покидало тяжёлое чувство. Зная его бесшабашность, Клава опасалась, что он бросился бежать на пожарище одним из первых и вмешался, куда не следовало. Поскольку она была уже возле его дома, то решила зайти и выяснить, не пострадал ли он. На её звонок дверь открыла девушка с грудным ребёнком на руках.

— Вы кто? — удивилась Клавдия.

— Алеся, — смущённо ответила молодая мамочка.

— Это ваш ребёнок? — вновь спросила Клава, вглядываясь в личико примерно двухмесячного младенца.

— Да. Это моя Машенька.

— Алеся, позовите, пожалуйста, Василия.

— Он полчаса как ушёл на работу, даже не позавтракав. А вы кто будете?

— Его жена.

— А мне сказал, что у него нет жены, — недоверчиво протянула изумлённая девушка.

— Да, конечно. Извини, забыла уточнить, что я бывшая его супруга. Мне просто надо знать, не пострадал ли он на пожаре, а то дети от неведения переживать будут.

— Ничего страшного с ним не случилось. У него лишь небольшой ожог на руке. А сколько у вас совместных детей? — задала вопрос молодница, покрываясь румянцем.

— Два сына-подростка и маленькая дочка. Все они совместные, но пусть вас это не смущает.

Клава ушла, не поинтересовавшись насчёт её присутствия в Васином жилище. Ей почему-то показалось, что малышка похожа на Василия, причём даже больше чем Наденька. Ей и в голову не пришло, что эта милая девушка — бывшая жительница сгоревшего дома, оставшаяся без крова над головой, да ещё и с грудным ребёнком на руках.

«Извращенец! Развратитель девочек!.. Ему мало было Маруси, так он ещё закрутил роман и с молоденькой симпатией! Теперь понятно, почему он дал отставку своей рыжеволосой пассии. Да эта Алеся ему в дочки годится!..» — негодовала она на пути к дому.

– Как там дядя Вася? – спросила Нина, стараясь успокоить сидящую у неё на руках кроху, пустившуюся в плач увидя маму.

– С ним всё в порядке. Произошла ошибка: сгорел не его барак, а соседний. Спасибо тебе, золотко, – забрав малышку, поблагодарила девочку Клава. – Тебе не следовало её поднимать: она тяжёленькая! А плачет, потому что проголодалась.

Поскольку готового детского питания не было, а дочка вела себя нетерпеливо, Клава решила покормить её грудным молоком, хотя по утрам берегла его для Коленки. Она прикладывала малышку то к одной груди, то к другой, но кроха всё никак не насыщалась. Пришлось срочно варить кашку с расчётом и на Колю. Едва она закончила кормить дочь, как прибыл Александр со своим сыночком.

– Саш, у меня, кажется, молоко начинает пропадать, – поведала ему Клава, чувствуя себя виноватой перед ним и его сынишкой.

– И что теперь делать? – спросил растерявшийся папочка.

– Придётся покормить, как и Надю, кашкой на козьем молоке. Я сварила её жиже, чем обычно, чтобы можно было дать Коленке через бутылочку.

Пока Александр кормил сынишку, она рассказала ему о пожаре.

– Клав, спасибо за всё. Ты так поддержала нас с Колей в эти два месяца! Думаю, нет смысла возить его сюда, коль грудное молоко пропало. Да он и кашку поел с удовольствием. Теперь мы, пожалуй, сами справимся.

– Конечно. Тем более что сейчас о нём есть кому позаботиться и помимо тебя. Скажи Марусе, чтобы козье молоко пополам с водой разбавляла. Коленка ещё слишком маленький, чтоб кормить его питанием такой жирности.

– Клав, мы с Марусей не живем вместе. Просто она помогает мне по хозяйству да за ребёнком ухаживает по мере надобности, – поставил её в известность Саша.

– Это правильно. Негоже с лёгкостью спускать предательство. Однако я надеюсь, что со временем у вас всё сложится, – напутствовала его Клава.

Понимая, что из-за пожара на рыбалку он не успевает, Василий решил пройтись вниз по берегу Волги в расчёте застать сыновей на условленном месте и объясниться с ними по поводу невыполненного обещания. А ещё ему хотелось выведать у мальчиков, что именно каждый из них желает получить в качестве подарка ко дню рождения. Лёня родился седьмого, а Вова десятого августа и эти дни не за горами.

– Привет, парни!.. Извините меня. Я не смог прийти раньше, — обратился Василий к детям, когда они уже собрались возвращаться домой.

– Проспал, да? – спросил обиженно Лёня.

– Нет, сынок. На рассвете загорелся соседний барак. Пришлось помогать пожарным. Надо было следить, чтоб огонь не перекинулся на другие постройки.

– Да ладно, всё равно клёва не было, – проговорил снисходительно Вова. – Надеюсь, там никто не сгорел?

– Пьяный мужик задохнулся дымом. С его-то квартиры пожар и начался, – поведал папаша. – А вы совсем ничего не поймали?

– Наудили, но мало. Мы мелкоту в воду отпускали, – сообщил Лёня с оттенком сожаления.

– А крупную рыбу, куда девали? – поинтересовался Василий.

– В стеклянную посудину бросали, – ответил младший сыночек, вытаскивая из пакета литровую банку с десятком плавающих в ней крошечных ершей. – Видишь вот этого: здоровенного?.. Я его сам выловил! – заявил Лёня не без бахвальства, имея в виду пятисантиметрового колючего ёршика.

Вова хихикнул, а Вася хмыкнул, сдержав смешок.

– Поднимитесь со мной по сопке или в обход пойдёте? – спросил отец сыновей.

– Нам всё равно, каким путём домой добираться, но с тобой веселее. Мы проводим тебя до развилки дорог, откуда тропа к лесу идёт, – ответил за себя и за младшего брата Володя.

– Как собираетесь отмечать свои дни рождения?

– Пока не знаем. Мы с мамой об этом не говорили. А если нам сделать вылазку на природу?... – озарило вдруг Лёню. – Помните, как в позапрошлом году мы устраивали пикник на том берегу Волги?... Здорово тогда было! – произнёс он, вопросительно посмотрев на отца. – С нами тогда были дядя Матвей, тётя Шура и Ниночка. Мы готовили шашлыки, варили уху из купленной у рыбаков стерляди, загорали, купались. Вы с мамой подарили нам с Вовой по ружью. Они были почти как настоящие, только стреляли резиновыми пулями.

– Сейчас вы уже подросли. Тебе на днях девять лет исполнится, а Вове двенадцать. Вас теперь должны интересовать более серьёзные вещи. Вот что вас могло бы теперь обрадовать? – спросил сыновей Василий, рассчитывая, что они хотя бы намекнут, что мечтают получить в подарок.

– Для меня самой большой радостью было бы, если б вы с мамой помирились, и мы, как и прежде, жили б одной семьёй, – высказал свою сокровенную мысль Володя.

– Для меня тоже, – поддержал его запыхавшийся Лёня, упорно взбираясь на гору позади брата, но вровень с отцом.

– Устал? Давай руку, – предложил помрачневший Василий.

– Сам справлюсь, – отказался от помощи младший сын и, сделав последний рывок, вскарабкался на гору вслед за Володей.

Мальчики смотрели на отца, ожидая его ответную реплику.

– Мама не хочет, чтобы я жил с вами. У неё теперь дядя Саша есть, – досадливо буркнул Василий.

– Он просто её друг. Она помогает ему выходить маленького Колю, потому что у малыша умерла мама и ему необходимо грудное молочко. У дяди Саши есть тётя Маруся. Ты сам сказал, что она вернулась к бывшему мужу, – напомнил Володя.

– Тетя Маруся живёт в доме его умершей жены. Она как бы снимает у него жильё, а любит-то он вашу маму, – уточнил Василий, чувствуя себя опустошённым.

– Только ей-то он не нужен, – заявил убеждённо Лёня.

– Откуда такая уверенность? – взял под сомнение отец.

– Я слышал, как мама говорила тёте Шуре, что дядя Саша предлагал ей выйти за него замуж, а она ему отказала, потому что нравится он ей только как друг, а настоящих чувств она к нему не испытывает, – пояснил младший сын.

– Пап, а как ты познакомился с мамой? – задал вопрос Володя.

– Мы поехали с бабушкой Лесей к её сестре в Татарию (та и сейчас живёт в той самой деревне), там я впервые увидел вашу маму. Она шла вдоль опушки леса в зелёном с белыми горошками сарафанчике. Ваша мама была такая худенькая! Её распущенные длинные волосы струились по плечам и спине до самой талии, а на голове её был венок из полевых цветов, – погрузился в воспоминания Вася. – Я был очарован ею. У меня впервые в жизни не хватило духу подойти к девушке, чтобы познакомиться. А вечером того же дня нас представили друг другу. Всё получилось спонтанно. Её и мои родичи решили, что из нас получится прекрасная пара. Они принялись сватать нас и, в конце концов, уговорили! У меня тогда появилось ощущение, что мы с этой девушкой родственные души. Так уж получилось, что мы поженились, совсем мало зная друг друга, – закончил повествование Вася.

Во время официального знакомства Клава уже не казалась ему сказочной лесной феей, образ которой преследовал его предыдущие несколько часов. Она выглядела обыкновенной деревенской девушкой, хотя и симпатичной. Присмотревшись к ней, Вася понял, что Клава довольно образованная, начитанная, а главное – трудолюбивая и покладистая, что особенно ценил он в замужних женщинах. Теперь, после долгого осмысления, Василий полагал, что если

б их отношения завязывались и развивались в романтической обстановке, если б ему пришлось добиваться её расположения, а потом настойчиво уговаривать её выйти за него замуж, то их жизнь могла бы сложиться иначе. Вероятно, он больше бы дорожил тем, что завоёвано им с трудом, а тогда принял Клаву и её невинность как само собой разумеющуюся действительность, не оценил доставшийся ему дар в полной мере. И вот теперь он пожинал плоды своих опущений. Прежде ему казалось, что жена всегда будет при нём как необходимый жизненный атрибут. Василий думал: «А куда она денется!». Он считал, что долг жены – родить ему сыновей и растить их, создавать уют в доме, не порочить его и своё имя, тогда как его обязанность – обеспечивать семью материально, оказывать мужское влияние на своих подрастающих детей. Василий считал излишним баловать и ублажать молодую жену, обучать её искусству любви, полагая, что ни к чему хорошему это не приведёт. Для собственных же утех у него были и другие женщины, самой природой созданные возносить мужчин на небеса. Он, конечно же, говорил Клаве какие-то нежные слова в постели, но не восхищался ею как партнёршей, не пытался добиться её чувственности, не дарил подарков, мотивируя тем, что она сама купит всё, что ей надо. Сейчас ему стыдно было признаться себе в этом.

– Пап, а почему вы с мамой разошлись? – спросил младший сын, привлекая его внимание, притворяясь несведущим.

– Там история была такая... непристойная. Ваша мама на меня очень обиделась, да и было за что, – признал он нехотя.

– Разве ничего нельзя исправить? – спросил старший сын взволнованным голосом.

– Я пытался – не получилось.

– А давайте много-много цветов нарвём и подарим ей от твоего имени, – предложил Лёня, когда дошли до развилки дорог. – Вон сколько красивых крупных ромашек кругом. Они ей очень нравятся. Она обрадуется и смягчится.

– Вы, ребята, собирайте, а меня ждут в лесном домике. Надо заняться бабочками-кородами, не то эти твари с заражённого хвойного участка леса и на другие участки перекинутся, – нашёл отговорку Василий.

– Как дела? Много рыбы наловили? – встретила Клава детей вопросами.

– Там, по-моему, одиннадцать рыбин, – отчитался Лёня, подавая ей банку с уловом.

– А красивые цветы для кого? – поинтересовалась она, глядя на букет в руках старшего сына.

– Это тебе от папы, – дал ответ Вова, отводя взгляд и слегка покрываясь румянцем.

– А вы, стало быть, помогали ему собирать эти ромашки! – обратилась к мальчикам Клавдия.

– Да, – подтвердил Лёня, не приняв во внимание прозвучавшую в словах матери иронию.

– Спасибо вам за цветы, сыночки. Не хотите побаловать рыбкай Нинину Мурку?

– Я сам отнесу ершей, – заявил малец, опережая Володю.

– По подружке соскучился?!.. Да иди уж, иди, – снисходительно произнёс старший брат. – Тили-тили тесто!.. – поддразнил он Лёню.

Парнишка вернулся довольно быстро. Поскольку Ниночки дома не оказалось, он отдал улов её маме.

– Ромашки не подействовали, – полушёпотом высказал ему своё мнение Вова, кивнув на стоящий в вазе букет. – Зря я брякнул, что они от отца.

– У меня и другой план имеется, как помирить маму с папой, только надо как следует его продумать, – так же тихо проговорил Лёня, опасаясь, как бы мать не услышала его.

– Ну, думай, думай. Какой ты, в сущности, ещё ребёнок! – произнёс старший брат не без насмешки.

– Ребятки, идите на кухню! Завтрак стынет на столе, – обратилась к ним мать, входя в гостиную.

– Ты далеко намылился? – спросила она быстро насытившегося старшего сына, надевающего кроссовки.

– На стадион. Наша команда играет сегодня против деревенских ребят, – выпалил он скороговоркой, искоса взглянув на мелькнувшего в коридоре младшего брата.

Прошлым летом Вова с его друзьями собрали свою подростковую футбольную команду и с тех пор много времени проводили на стадионе, тренируясь, готовясь к состязаниям со сверстниками. Братишка нередко пускался следом за ним и путался там у всех под ногами. Ему очень не хотелось, чтобы он увязался за ним и сейчас, а Лёня на этот раз и не думал напрашиваться.

– А ты чего не пошёл? – обратилась Клава к младшему сыну, когда старший скрылся за дверью.

У неё меньше болела душа за Лёню, когда он находился под Вовиным присмотром.

– Не хочу. Я лучше с Надей поиграю.

– Вот и замечательно. Она сейчас в хорошем расположении духа, а мне в магазин сходить надо. Я быстро слетаю.

– Иди, – оживился Лёня.

У Клавдии появилось ощущение, будто он что-то удумал, но, присмотревшись внимательно, решила, что ей показалось.

Едва матушка скрылась за дверью, Лёня принялся собираться в дорогу: сварил и положил в сумку пяток яиц, побросал туда мытые овощи и яблоки, принесённые с дачи, а ещё завернутый в бумагу кусок колбасы. В карман старой куртки он сунул коробочку с солью, спички, перочинный нож, компас да два фонарика на всякий случай и, написав записку, стал дожидаться матери, играя с сестрёнкой.

– Ты всё-таки куда-то сматываешься! – констатировала Клавдия, увидев сына одетым в тёплый свитер и приготовленную им сумку у входа.

– За мной ребята приходили, позвали на природу, – высказал он заранее придуманное объяснение. – Ты хлеб купила?

– Да. А ещё печенье и пряники. Возьми сколько надо.

Лёня отрезал полбулки чёрного хлеба и затолкал в сумку, не забыв положить туда и пакет с горсткой печенья да с пряниками.

– А съешь столько хлебушка? – спросила она с усмешкой, поскольку он редко ел выпечку из ржаной муки.

– Я ж не один там буду. На свежем воздухе ужас как кушать хочется.

– А что так тепло оделся, да ещё и куртку берёшь? На улице жара! – напомнила сыну Клава, заподозрив что-то неладное, но запретить ему пойти с друзьями не смогла.

– Так мы на земле да на камнях сидеть будем. Я куртку под себя подстелю.

– Чтоб не позднее четырёх дома был!.. Уразумел? – спросила она строго.

– Да понял я, понял, – буркнул Лёня, не глядя в глаза матери.

Уложив малышку спать, Клава занялась уборкой и стиркой. На сердце у неё скребли кошки, появилось ощущение, что ночной пожар и знакомство с новой подружкой Василия – не конец сегодняшних злоключений. Когда Лёня не явился ни в четыре, ни в пять часов вечера, она запаниковала. Володя в течение дня трижды побывал дома, а младший пострел всё не казал носа!

– Вов, а ты не в курсе ли, случаем, с кем Лёня ушёл и куда именно? – спросила Клава вернувшегося домой старшего сына.

– Понятия не имею. Он вроде бы никуда не собирался. После нашего возвращения из лагеря и до самого моего ухода из дома этим утром Лёнька ни с кем из друзей не встречался.

Вчера он общался лишь с Ниной, а сегодня и с ней не виделся. Она только что вернулась от тётки, где целый день нянчилась с двоюродной сестрёнкой.

– Может он зашёл за кем-то согласно договорённости: за Толиком, Гришей или за Мишей?.. Вов, сходи, узнай, не с ними ли Лёня.

– Я сейчас ко всем его друзьям сгоняю, чьи адреса знаю. Ты не очень-то волнуйся, я найду его, – заверил Володя и направился на балкон за велосипедом.

Его не было около двух часов. Всё это время Клава места себе не находила. Когда послышался звонок в дверь, она кинулась открывать её в надежде, что это пришли сыновья, однако за порогом стоял Василий. Он был слегка встревожен. У него явно имелось к ней некое дело или сообщение, раз явился прямо с работы.

– Что-то с Лёней случилось?.. С ним всё в порядке? – спросила она с наскока, не ответив на приветствие.

– С тех пор как мы расстались утром, я его больше не видел. Ты чего всполошилась? Время ещё непозднее. Набегается – вернётся.

– Он ушёл из дома в десять утра и ни разу не появился, а уже вечереет! Так надолго он никогда не исчезал.

– Может велик сломался, – предположил Василий, пройдя в гостиную и заметив, что велосипеда нет на балконе.

– На нём Вова уехал братца искать и тоже с концами! – довела до его сведения Клава.

Только она проговорила, как дверь с грохотом распахнулась. Это старший сынок волок в квартиру средство передвижения.

– Я объехал всех знакомых ребят, сгонял до лесной избушки и даже по берегу Волги километров пять прогнал – Лёни нигде нет. Никто из встреченных мной знакомых его не видел, – отчитался Володя, поняв по лицам родителей, что брат так и не объявился.

Узнав от Клавы и от старшего сына, о чём Лёня сегодня говорил, во что был одет, уходя на прогулку, что взял с собой, Василий сделал вывод, что пострел пустился в очередную авантюру. Он вошёл в спальню сыновей и принялся осматривать её, пытаясь найти хоть какую-то подсказку, куда тот мог бы отправиться. Под Вовиной подушкой Василий обнаружил бумажный самолётик. Развернув его, он понял, что это послание от Лёни. Накарябанная его рукой записка гласила: «Вов, я вернусь, только когда они помиряются. Если это случится, выставь на крыше лесной избушки мой белый флаг. Тарзан».

– Наш сорванец в лесу прячется! – пришёл к заключению Вася. – Он находится в радиусе не более километра от избушки, а иначе ему сложно будет наблюдать за условным знаком. Мы обязательно его найдём. Он не заблудится в этом районе. Лёня знает эту часть леса как свои пять пальцев. А если выставить флаг прямо сейчас? – задался он вопросом, посмотрев на Клаву и сына.

– Так Лёнька и поверил, что вы сдались без боя! – заявил скептически Вова.

– Думаю, он прав, – согласилась с сынишкой Клава, обращаясь к Василию. – Его надо искать. Да и негоже обманывать ребёнка.

– Пап, ты на мопеде?.. Я с тобой! – произнёс Володя, когда отец качнул головой.

– Ты позволишь ему поехать? – спросил Вася Клавдию.

– Он мне житья не даст, если не отпущу, – проговорила она, давая тем самым согласие.

– Если задержимся допоздна, мальчишки переночуют со мной в избушке, так что не очень-то паникуй тут, – предупредил её Вася.

Василий начал брать сыновей в лес, когда старшему мальчику исполнилось восемь лет, а младшему – всего лишь пять. Для Лёни лес стал родным. За прошедшие почти четыре года он научился пользоваться компасом, который не забыл взять и сейчас. Далеко в дебри Лёня никогда не забирался, опасаясь наткнуться на волка или ядовитую змею. Поблизости от города они водились редко, а медведя в здешних лесах Вася и вовсе видел за всю свою жизнь всего

лишь три раза. Вова теперь не особенно рвался на лесные прогулки, у него появилось более интересное увлечение. А вот Лёня за последние два года исходил в одиночку огромную территорию, облазил множество деревьев. Он знал, в каких местах обитают белки, какой птице принадлежат те или иные яйца, различал пернатых по трели, по щебетанию. Мальчик интересовался, как чувствуют себя в гнёздах птенцы, за которыми наблюдал с момента, когда они ещё и не вылупились из яйца.

Лёне казалось, что лес встретил его приветливо. Оставив сумку в дупле старого дуба, он отправился бродить и лазить по деревьям. После обильных дождей, в ельнике начали появляться маслята. Лёня

старался запомнить места, где их много, чтобы прийти потом с Вовой, взяв с собой по корзине. Увлёкшись, он упустил из вида, что о нём уже волнуются, беспокоятся, пока не услышал отдалённые знакомые голоса, зовущие его по имени. «Ну, уж дудки! Ни за что не вернусь!» – решил пострел и стал отходить до тех пор, пока крики не стали совсем не слышны.

Чем гуще становились сумерки, тем сильнее Лёню влекло к лесной избушке. Понимая, что там его могут обнаружить, он всё же поддался соблазну и подобрался настолько близко, что разглядел силуэт отца: тот курил у входа, посматривая по сторонам, прислушиваясь к шорохам, вглядываясь в темноту. Притаившегося за кустами сына он не заметил, а вскоре скрылся в избушке, и Лёня почувствовал себя несчастным, покинутым всеми. Решив всё же стоять на своём, он отправился к заветному местечку, где оставил съестные припасы. Приложив к стволу дуба сучковатое брёвнышко, сорванец привычно взобрался по нему до надёжной крепкой ветки и, навалившись на неё животом, оттолкнул опору ногами, чтоб она не привлекла чьё-нибудь внимание. Мальчуган расположился в дупле дерева, свернувшись калачиком, и даже вздремнул после перекуса, несмотря на тесноту и неудобство. Проснулся он от протяжного завывания то ли волка, то ли дикой собаки. Лёня невольно стал прислушиваться к звукам. От жуткого уханья совы по телу его побежали мурашки. Лес жил своей ночной жизнью: слышались непонятные шорохи, позвякивания, пощёлкивания, потрескивания. Временами у него возникало ощущение, что к нему подбирается невиданное чудовище. Впервые за время знакомства с окружающим лесом ему сделалось страшно, захотелось домой, в свою уютную тёплую постельку. Он еле промаялся до утра, а когда стало довольно светло, решил спуститься с дерева. Повиснув на нижней ветке дуба во весь свой рост, Лёня ловко спрыгнул на землю и направился в сторону опушки, где заприметил вчера стожок сена, чтобы, наконец, выспаться. Топая в нужном направлении, у него возникло тягостное ощущение, что поблизости происходит какая-то жуть, что над ним нависла опасность. На минутку мальчику померещилось, будто рядом бродит медведь, но он тут же отверг это предположение, решив, что возобновились его поиски. Притаившись в зарослях молодого орешника, Лёня стал присматриваться к тому месту, откуда донёсся звук ходьбы. Какого же было его изумление, когда он увидел не отца и не Вову, а человека с продолговатым грузом на правом плече. Мужчина слегка припадал на левую ногу. Из-за кепки, надвинутой на лоб, лица его почти не было видно, однако по телосложению и проворной походке, несмотря на хромоту и как будто довольно тяжёлую ношу, Лёня понял, что он молод. Неожиданно зацепившаяся за ветку кепка обнажила его ёршиком подстриженные тёмные волосы. Молодой человек поправил головной убор, не замедляя шаг. Похоже, он очень спешил. Заинтригованный Лёня крадучись двинулся за незнакомцем. Он увидел, как парень остановился у глубокого рва и вытряхнул в него то, что было завернуто в покрывало, а затем, затолкав ткань в сумку, двинулся в обратном направлении – прямо в его сторону! Словно бы почувствовав присутствие опасного свидетеля, молодой человек насторожился, стал осматривать окружающее его пространство. Мальчику показалось, что тот смотрит прямо ему в глаза, хотя вроде как не должен его видеть за кустами на таком приличном расстоянии. «Это преступник, он сбросил мёртвое тело какого-то подростка, – осенила Лёню догадка. – А сейчас этот

убийца доберётся и до меня!» – пришло ему в голову. Ужаснувшись, он пустился стремглав наутёк. Лёня ощутил, как ему опалило левую руку, но продолжил бежать в сторону лесного домика, пока от страха и усталости не запнулся о корягу и не свалился в неглубокий овражек, сплошь заросший крапивой. Замерев, он какое-то время слышал отдаляющийся хруст веток, потом всё стихло. Лёня понял, что погони больше нет.

Чувствуя на руке липкую влажность, однако, не ощущая сильной боли, Лёня вылез из укрытия. Сняв куртку, он осмотрел её: на левом рукаве виднелись две дырки, а на свитере примерно в том же месте была рваная полоска и вокруг неё красное пятно. Лёня не боялся вида крови, но сейчас почувствовал головокружение. «В меня стреляли! Пуля пробила ткань и ранила мою руку», – дошло до его сознания. Собрав силу воли, он стянул с себя футболку и, порвав её с помощью перочинного ножа на довольно длинные широкие полосы, принялся правой рукой неумело накладывать на рану повязку, придерживая один конец тряпки зубами...

Ну а Василий с Вовой тоже проснулись на рассвете. После проведённой на жёстком полу ночи у них ломило кости. Перекусив тем, что наскоро сунула им в дорогу Клава, они вновь отправились на поиски Лёни.

– Пап, давай вызовем спасателей, – предложил начавший терять терпение мальчик.

– И что мы им скажем?.. Что наш пострел сбежал из дома, потому что его мама и папа не живут вместе?.. Думаешь, у них нет более важного дела, чем гоняться за нашим сумасбродным сорванцом? А если они уведомят о случившемся работников социальной службы и там решат, будто вы с Лёней живёте в неблагополучной семье?

– Ну, уж нет! – возмутился Володя.

– Вот и я о том же. Но если мы не найдём его до вечера, придётся всё-таки вызвать подмогу. А пока давай искать сами. У него скоро съестные припасы кончатся. Возможно, голод вынудит его вернуться домой или обнаружить себя.

– Вряд ли он провёл эту ночь в лесу. Если б я был на его месте, отоспался бы в стоге сена на поле, – высказал своё мнение Вова.

– Дельная мысль. Молодец, сынок, – похвалил отец. – Давай выйдем из леса да оглядимся вокруг. Мы можем застать его где-нибудь спящим.

Не прошли они и двухсот метров как услышали хлопок.

– Мне показалось или это и в самом деле был выстрел? – спросил Вова, озадаченно взглянув на отца.

– Стреляли примерно в трёхстах метрах от нас, похоже, из обрезка, – предположил Василий, сбросив с плеча упакованное ружьё и вынимая его из чехла. – Сынок, иди рядом и будь настороже. Не подставляйся!

Они продолжили осматривать лес. Стараясь не упускать из вида старшего сына, Василий проглядел Лёню, распознавшего его и Вову с довольно отдалённого расстояния. Уже одетый в свитер и куртку, беглец вновь скатился в крапиву. Но вскоре выполз из овражка и стал следить за отцом и братом. А шли они в сторону того самого рва, в который был сброшен подозрительный груз.

– Пап, в овраге кто-то лежит! – донёсся до Василия встревоженный Вовин голос.

Холодея от ужаса, он бросился к стоящему у рва сыну моля Бога, чтобы это не было мертвое тело младшенького сыночка.

– Там девочка-подросток, – определил он, уставившись в глубину оврага. – Встань за дерево и будь настороже, а я спущусь вниз, посмотрю, что с ней.

– Она, похоже, давно мертва, но я же не медик, – поведаль Василий сыну, поднявшись наверх.

Он вызвал по радиации скорую помощь и милицию, сообщив координаты. Им пришлось ждать людей из органов, потом давать показания...

Убедившись, что отец с братом наткнулись-таки на ужасную находку, Лёня продолжил свой путь, будучи уверенный, что преступник уже за версту от леса и вот-вот прибудет милиция, так что всем будет не до него. Вскоре он добрался до желанного стога. Улегшись на приятно пахнущее сено, паренёк отрешился от всяких мыслей и крепко заснул.

А не сомкнувшая всю ночь глаз Клава вздремнула лишь под утро, да и то ненадолго. Очнувшись от Надиного плача, она увидела, что стрелки будильника показывают семь часов! И дома по-прежнему никто не появился. Переодев и накормив малышку, Клава отправилась с ней к Алексаниным. Всё их семейство оказалось дома.

– Что стряслось? Ты сама не своя, – заметила Шура, как только подруга вошла в её квартиру.

– Лёнька сбежал из дома. Похоже, он в лесу скрывается. Подумать только, младшенький сыночек задумал таким образом вернуть в семью отца! Вася с Вовой с вечера ушли на его поиски. От них до сих пор нет никаких известий!

– А я тебе что говорила? – напомнила подруга. – Никуда не годится, когда родители живут поврозь, когда за сорванцами нет мужского пригляда! С каждым годом справляться с ними будет всё труднее.

– Шур, возьми к себе Наденьку, а!.. Я только что её покормила. Здесь запасные ползунки и бутылочки с водой и молоком, а ещё ключи от квартиры, на случай если понадобится детская смесь или что-то из одежды, – пояснила Клава, подавая подруге сумку.

– Конечно же, мы с Ниночкой понянчимся до твоего возвращения, – дала согласие Александра, приветливо улыбаясь малышке, и кроха сама потянулась к ней в руки.

– Тётъ Клав, вы тоже пойдёте искать Лёню? – спросила наострившая ушки Ниночка.

– Да. А иначе сойду с ума от неведения.

– Я иду с тобой, – вызвался вникший в суть дела Матвей.

Клавдия посмотрела на него с благодарностью и качнула ему головой.

– И я пойду с вами, – заявила Нина просительным тоном.

– Ну, пойдём, – согласился отец, тогда как мать, колеблясь, пожала плечами.

– Я поеду на велосипеде, – сообщила Клавдия.

– Мы тоже, – подала голос девочка, вопросительно взглянув на отца.

– Ну да. Ты сядешь на багажник, – подтвердил Матвей.

Увидев милицейскую машину и машину скорой помощи у опушки леса, Клава припустила ещё быстрее в том направлении. Сердце её готово было вырваться из груди от плохого предчувствия.

– Это ещё не означает, что с Лёней случилось нечто ужасное, – крикнул едущий рядом Матвей, заметив, что она побледнела от страха, что держится из последних сил.

Соскочив с сиденья велосипеда, Клавдия на подкашивающихся ногах направилась к водителю скорой помощи.

– Кто-то умер? – спросила она, собравшись с духом, сидевшего за рулём мужчину.

– Девочку мёртвую в лесу нашли, – сообщил водитель.

– А кто обнаружил?

– Лесник со своим сынишкой.

– С ним был только один мальчик? – попыталась уточнить Клава.

У неё слегка отлегло от сердца, узнав, что погиб не Лёня, но боль не отпускала.

– Честно говоря, я не в курсе. Тело нашли примерно в семистах метрах отсюда.

Троица двинулась в указанном мужчиной направлении. Велосипеды они оставили на входе в лес, в кустарнике.

– Как она умерла? – спросила Клава Василия, подойдя к нему и сыну с задней стороны. Они вздрогнули от неожиданности, будучи потрясённые её внезапным появлением.

– Девочка лет восьми, похоже, была изнасилована и задушена каким-то отморозком. У рва, откуда предположительно было сброшено её мёртвое тело, остались свежие следы сорок второго размера, – поведал ей Вася, умолчав о выстреле, боясь ещё больше напугать её.

– Привет. Мы пришли к вам на помощь! – произнёс Матвей, давая знать о себе и дочке. Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Ну что ж, продолжим поиски?.. Мы с ребятами из милиции прочесали тут лес в радиусе около двухсот метров, нашли неподалёку обрывки ткани. Ничего не напоминает? – спросил Вася Клавдию, показывая маленький лоскутик, однако, утаивая, что на одном из таких вот кусочков ткани было обнаружено кровавое пятно.

– У Лёни есть такая футболка, – сообщила она, покрываясь мертвенной бледностью, – но я не уверена, что он ушёл именно в ней. Сверху на нём был свитер. Мой малыш такой маленький, беззащитный!.. И этот ребёнок провёл ночь незнамо где. С ним могло случиться что угодно! Вдруг он тоже оказался жертвой того маньяка или заблудился, и его волки загрызли! – вновь запаниковала Клавдия и, уткнувшись Василию в грудь, впервые за эти тяжёлые сутки дала волю слезам.

– Ну-ну! Наш сыночек неплохо знает этот лес, хорошо ориентируется на местности и шустро лазает по деревьям. Он, должно быть, спит где-нибудь в укромном местечке и в ус не дует, – принялся успокаивать её Вася, глядя по головке, тогда как у самого сердце заходило от страха при мысли, что тот выстрел мог быть направлен на его сынишку, что сейчас его мальчик, быть может, истекает кровью или уже мёртв. – Не найдём Лёню к вечеру – подключим спасателей, – заявил он твёрдым тоном.

– Матвей, выбирайтесь с Ниной из леса да обойдите ближайшие стога сена, – попросил он друга, указывая рукой направление.

– Пап, я с ними останусь, – заерепенилась Нина.

– Мне будет спокойней, если ты пойдёшь со мной, – возразил тот дочке.

– Я была с Лёней в этом лесу, знаю его заветные места, – умоляюще посмотрев на отца, призналась девчушка.

– Я присмотрю за ней, – взяла на себя ответственность Клава.

– Ну, иди с ними, – неуверенно согласился Матвей.

Он был ошарашен признанием дочери. Они с Шурой зорко следили, чтоб она не уходила от дома далеко и надолго, контролировали каждый её шаг и на тебе – не уследили!

Лёня проснулся ближе к полудню. Почувствовав голод, он направился к заветному дубу, в дупле которого остались кое-какие продукты. Приставив к огромному стволу высохшее сваленное деревце, сорванец взобрался по нему и по привычке оттолкнул его, чтоб отлетело как можно дальше, но оно свалилось совсем рядом, на что мальчик не обратил внимания. Перекусив остатками пищи, он задумался, а что будет кушать, когда вновь проголодается. Неосторожно задев повреждённую руку и почувствовав саднящую боль, Лёня подумал, что рану надо бы полечить, а продолжать скрываться неразумно. Не зная, как теперь показаться на глаза родителям (в особенности матери), он всё же решил вернуться домой с повинной. Парень уже начал спускаться, как вдруг услышал приближающиеся голоса и замер.

– Тётъ Клав, а вот его любимый дуб! Лёня говорил, что частенько лазает на него и что в нём имеется дупло, куда он запросто помещается, – донеслись до него слова Нины.

– И каким же образом Лёня туда залезает? – услышал мальчик недоумённый вопрос матери. – Даже вон дяде Васе до самой нижней крепкой ветки на цыпочках не дотянуться, а он совсем ещё маленький.

– Не знаю. Возможно при помощи вот этого сучкастого деревца, – успела вымолвить девочка, и в этот момент Лёня обнаружил себя, хрустнув веткой.

– Вася, Вова, идите сюда! Похоже, мы нашего беглеца нашли, – крикнула Клавдия.

– Сынок, слезай с дуба!.. Бить не будем, – заверила она пострелёнка, рассмотрев его в кроне дерева.

А Лёня вовсе и не боялся, что его накажут физически. На самом деле родители никогда по-настоящему не били его (за исключением разве что прошлогодней отцовской порки на Украине). Он уверенно продолжил спускаться.

– Сынок, отпускай руки, я поймаю тебя, – крикнула Клава ухватившемуся за сук сыну.

Лёня замер в нерешительности. Он опасался, как бы мать случайно не потревожила его рану. Ему проще было прыгнуть, как всегда это делал, но она стояла в самом неподходящем месте, занимая нужное ему пространство.

– Мам, отойди! – настойчиво крикнул Лёня и тут сук, на котором он висел, треснул.

Клавдия успела подхватить падающего Лёню. Однако прилетевший вместе с ним довольно крупный обломок дерева ударил её по голове и, не устояв на ногах, бедняжка упала навзничь, держа в руках сына. Стукнувшись затылком о лежащее возле дуба полусухое сучковатое деревце, Клава потеряла сознание. Подскочивший в этот момент Василий увидел сочащуюся из раны на её голове кровь и похолодел от ужаса, решив, что с ней случилось самое худшее. До этого момента он не задумывался насколько она дорога ему, как он боится потерять её навсегда. Освободив из её цепких рук перепуганного Лёню, Вася во второй раз за день вызвал по рации скорую помощь, объяснив, куда именно надо подъехать.

«Какая же она стала лёгонькая!» – подумал он, без особого усилия беря Клаву на руки, однако пока донёс до окраины леса, где их ждали с носилками, вымотался до предела.

Лёня старался держаться, как настоящий мужчина: не выставлял себя рёвой в присутствии подруги, но, в конце концов, слёзы сами собой покатились по его щекам. Не останавливаясь, он снял куртку и вытер лицо подкладкой, дабы скрыть свою слабость.

– Жарко?.. Давно пора её сбросить, – заметила Нина, не подав виду, что ей всё понятно, затем искоса взглянула на хранящего молчание мрачного Вову.

– А что у младшего мальчика с рукой? – обратилась ко всем фельдшерица, когда пришедшую в сознание Клаву погрузили в машину.

– Пустяки. У меня там небольшая царапина, – отмахнулся Лёня.

– Такая «небольшая», что весь рукав в крови? – изумился отец, начиная понимать, в чём дело. – Давай снимай свитер, пусть тётя осмотрит твою «царапину».

– Рана не такая уж и пустячная, но шов накладывать, по-моему, нет надобности. Мы возьмём его в больницу, там её обработают как надо, – распорядилась медсестра.

– Поедете с нами? – обратилась она к Василию.

– Да, разумеется.

– Вова, Нина, топайте за велосипедами. Встретите Матвея — скажите ему, что поиски окончены, – дал он наказ детям.

– А вон и папа идёт! – воскликнула девочка.

– Тем лучше. Вернётесь домой вместе с ним, – распорядился Василий, прежде чем запрыгнуть в машину следом за Лёней.

Услышав, что сынишка серьёзно пострадал, Клавдия опять потеряла сознание. Фельдшерица вновь принялась приводить её в чувство.

В больнице Лёне промыли повреждённую руку раствором, смазали мазью и наложили повязку. Было больно, но он терпел. С Клавой всё оказалось сложнее: ей пришлось вводить успокоительное, зашивать ранку. Хотя полученная травма и была неопасна для жизни, её всё же оставили в больнице, поскольку имело место сотрясение мозга.

– К вам рвутся посетители. Вы в состоянии принять их? – спросила Клавдию медсестра.

– Да, конечно.

– В вашем распоряжении пять минут, – предупредила она Василия, прежде чем впустить его с сыном в палату.

– Мамочка, тебе очень больно?.. Прости меня, пожалуйста! Я больше не буду так поступать, – извинился Лёня и поцеловал мать в щёчку, что делал крайне редко.

– Давай обсудим всё позже. Сейчас мне слегка нездоровится, — пояснила она, придя в умиление. – Что у тебя с рукой?

Лёня посмотрел на отца. Тот пожал плечами, предоставляя ему самому придумывать ответ.

– Мам, ничего серьёзного. Мне промыли царапину, помазали и забинтовали. Рука вообще уже не болит, – заверил он не совсем правдиво, но Клава успокоилась.

– Вась, попроси Шуру: пусть накормит и уложит мальчишек спать в их комнате, а Надю оставит у себя, – обратилась она к бывшему мужу. – Утром я обязательно вернусь домой. Ничего страшного со мной не случилось.

– Может тебе не стоит спешить с уходом из больницы?.. За детей не беспокойся, я побуду с ними до твоего возвращения. Сегодня и завтра у меня выходной, а потом, если потребуется, могу взять несколько отгульных дней в счёт отпуска.

– Наденьку в любом случае оставь у Алексаниных. Ты не знаешь, как ухаживать за маленькими девочками. Для неё ты практически чужой дядя. Она видела тебя от силы раз десять, да и то считанные минуты, а у таких малюток память коротка. Без меня она будет капризничать, не даст ночью спать ни тебе, ни Вове, ни Лёне.

Действуя согласно Клавиному указанию, Вася всё же предупредил Александру, что утром заберёт малышку. Приготовив нехитрый ужин и перекусив вместе с мальчиками, он принялся выведывать у младшего сына, что с ним приключилось в лесу, и пострел выложил как на духу всё, что его беспокоило и запало в его душу...

– Пап, мне показалось, будто бы я где-то встречал того типа.

– Ты же сказал, что не видел его лица, что заметил лишь очень коротко подстриженные тёмные волосы, – припомнил Василий.

– На прошлой неделе я видел бабку Тамару, нашу молочницу, идущую по улице с молодым человеком. Тот нёс тяжёлую сумку и точно так же прихрамывал на левую ногу. Со спины её спутник очень похож на того мерзавца, – заявил Лёня.

– Уму непостижимо! – изумился отец. – С ней, по-видимому, шёл её вернувшийся из армии внук. Она говорила, что незадолго до демобилизации он получил на службе довольно серьёзную травму и теперь у него одна нога немного короче другой. Бабкина дочь бросила на её попечение своего пацана, когда тому было двенадцать лет. А год назад в автомобильной аварии погибли бабушкины сын и невестка, и их семилетняя дочурка тоже осталась жить у неё. Мне кажется, что погибшая девочка – это и есть её внучка. Выходит, что этот ирод убил свою двоюродную сестрёнку!.. Как такое возможно?!.. – задался вопросом Василий. – Между прочим, козье молоко у нас на исходе. Бабка вряд ли принесёт его завтра – ей теперь не до этого. Надю кормить будет нечем, – рассудил он, меняя тему.

– Я к бабке Тамаре не пойду. Вдруг убийца меня узнает, – ужаснулся Лёня.

– Я могу сходить за молоком к дяде Саше. Он не откажет. Хотите, прямо сейчас сбегаю к Прусаковым? – предложил Володя.

– А коровье молочко не подойдёт? – спросил мальчиков Вася.

– Обычно мама готовит ей кашку на козьем молоке, но недавно давала и на коровьем. Наденька ела её с аппетитом. А в шкафу есть сухая детская смесь в коробочках, которая готовится очень быстро, – вспомнил Лёня.

– Вот и славно. Я сейчас отправлюсь за коровьим молоком к знакомой молочнице. Она живёт неподалёку. Время позднее, так что дверь никому не открывайте. У меня с собой ключи.

Во время ходьбы за молоком у Василия из ума не выходил рассказ младшего сына. Поставив в холодильник наполненную трёхлитровую банку, он позвонил знакомому следователю на домашний телефон, сообщил, что его пострелёнок оказался свидетелем утреннего происше-

ствия, в результате чего едва не словил пулю, которая по счастливой случайности лишь слегка повредила малышу руку, а ещё он поведал ему о подозрении сына. Василий пообещал поискать в лесу вместе с Лёничкой пулю, а вот допрашивать своего напуганного ребёнка согласие не дал.

– Пап, ты останешься с нами? – спросил его перед сном Вова.

– Насовсем, – дополнил вопрос брата Лёня.

– Я на это надеюсь, – обнадежил отец сыновей.

В их глазах было столько неизбывной тоски, что он не смог им ответить иначе.

– А вот и я! – заявила о своём возвращении Клава, приветливо улыбнувшись сидящей на руках у Вовы дочке. – Давно её забрали?

– Недавно. За ней папа пошёл, но принесла её сюда Нина. Она сейчас с Лёнкой в комнате секретничает, а папаня завтрак готовит, —выпалил старший сын скороговоркой.

Помыв руки и взяв дочку, Клава отправилась с ней на кухню взглянуть, как там обстоят дела.

– Привет, Вась. Мальчишек решил побаловать? Их любимые блинчики печёшь?.. Ты, смотрю, дрожжевое тесто научился ставить, —заговорила она безмятежным, спокойным голосом, вот только взгляд её был полон грусти.

– Здравствуй, Клав. Чему я только не научился за минувший год. Ты-то как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Не жаль было расставаться с косами? – спросил он, заметив изменение в её внешности.

– Медикам пришлось выстричь место ушиба. Волосы настолько слиплись, что проще было их отчекрыжить, чем привести в порядок при больной голове. Рана заживёт – сделаю модную стрижку, а пока и так похожу. Отрезали-то мне их хоть ровно, не слишком коротко? – спросила она, поворачиваясь к нему спиной.

– Нормально, только выглядишь непривычно. Чужой кажешься.

– Дети меня узнали – вот и ладно. А для тебя я никогда родной и не была.

– Клав, ну зачем ты так?.. Я многое передумал этой ночью. Ты правильно вчера сказала, что для дочки я посторонний дядя. Представляешь, пошёл за ней утром к Шурочке, а она ко мне на руки ни в какую не идёт! Пришлось забирать вместе с Ниной. Желаеть ты или нет, а я остаюсь с вами! Этого хотят наши дети.

– А как же Алесь с Машенькой?.. Мамочка этой крохи и сама-то совсем ещё девчоночка зелёная! Ей без твоей ежедневной поддержки не обойтись, да и малышке отец нужен.

– О, чёрт!.. Совсем забыл со всеми этими передрягами. Позавчера я шёл к тебе спросить, нет ли какой-нибудь ненужной детской одежды, которая ещё не износилась, но уже мала Наде.

– Есть чепчики, распашонки, ползунки, из которых она выросла. А разве вы сами не можете обеспечить вашу кроху всем необходимым?

– С чего ты взяла, что она моя дочь? – изумился Василий.

– Машенька на тебя похожа.

– Правда? Мне так не показалось. И когда ты успела их увидеть?

Клава в нескольких словах поведала, что побудило её посетить его жилище, и как была удивлена, увидев там молоденькую девушку с грудным младенцем на руках.

– А тебе не могло прийти в голову, что они попали ко мне случайно, что они погорельцы?.. Леся осталась с грудным младенцем без крова над головой, без вещей, без денег. У неё даже документы сгорели! Я, разумеется, видел её прежде гуляющей с ребёнком в коляске возле наших барачков, но не обращал на неё особого внимания. Как ты могла подумать, будто между ней и мной могла быть интимная близость? Да она мне в дочки годится!.. Я, между прочим, жил с Марусей, когда происходило зачатие её малышки.

– Ну, Мария не такая уж и помеха была для тебя. Да и мало ли мужиков твоего возраста имеет молоденьких любовниц. Я бы не удивилась, если б так было и в этом случае: ты же

бросаешься на всех симпатиях независимо от их возраста. Но если уж я ошиблась, извини. Вот Наденьку накормлю, а уж потом соберу кое-какие вещички, – пообещала Клава, заваривая молочную смесь для малышки.

– Молодёжь, идите блины кушать! – позвал Василий сыновей и гостеньку, стерпев женскую колкость.

Мальчишки и Ниночка прибежали мигом. Они принялись уплетать любимое кушанье, кому как нравится: кто со сметаной, а кто с вареньем.

– Спасибо за вкусный завтрак, – поблагодарила его первой вылезшая из-за стола Нина.

– На здоровье, – откликнулся Вася.

– Мам, можно мы с Ниной поедem кататься на велосипедах? – спросил Лёня, появляясь в гостиной, где Клава докармливала дочку nasкоро приготовленным питанием из детской смеси.

– А Вова один останется?

– Через час я встречаюсь на стадионе со своими ребятами, – подал голос, идущий вслед за братом Володя.

– Не вздумайте без взрослых по лесу шляться! – строго-настрого запретила Клавдия, взглянув на младшего сына.

– Конечно, мам. Я пойду туда только вместе с папой. Он обещал за маслятами со мной сходить после обеда. Я знаю, где они растут. Их там тьма-тьмушца!

– А меня с собой возьмёте, если мама отпустит? – спросила Нина Василия, и он утвердительно кивнул головой.

– Пойдём, позавтракаем, пока есть, кому присмотреть за крохой, – предложил Вася Клавдии, воодушевившись.

У него появилось ощущение, что он всегда был со своей семьёй, что не было этого поврозь прожитого года, а Маруся – просто кратковременный отрыв от реальности.

– Ты ешь, а я соберу кое-какую одёжку для твоей подопечной, – охладила его пыл Клава.

Она сложила в сумку ставшие маловатыми Надины вещички, сунула туда же игрушки, не особо привлекающие внимание дочки, а ещё собственные добротные платья и халатики, которые по разным причинам не носила.

– Здравствуй, Алесь, – поприветствовал Василий открывшую ему дверь девушку.

– Добрый день. Я за вас волновалась, думала, не случилось ли чего. Вы ушли и пропали.

– Просто дел было много. Как вы тут поживаете?

– Да так... потихоньку. Вчера ходила с дочкой хлопотать насчёт жилья. Мне сказали, что в течение месяца постараются выделить какую-нибудь комнату. А сегодня нас разыскал Пётр – отец Машеньки. Он узнал о пожаре и его совесть, видите ли, заела. Пётр предложил мне перебраться в дом, где он живёт с сестрой и матерью, даже пообещал оформить со мной отношения.

– А почему ты говоришь это в ироничном тоне? Это ведь замечательно!.. У дочки твоей будет полноценная семья: мама, папа, бабушка и тётушка.

– Я не собираюсь жить с людьми, которые меня ни во что не ставят. Ноги моей не будет у них на пороге!

– Зря ты так категорична. Зачем усложнять свою жизнь?.. Сейчас тебе позарез нужна хоть какая-то помощь, – напомнил Василий.

– Я думала, что вы будете довольны, – огорчилась Алесь. – Мне казалось, что я вам понравилась. Мы могли бы дружно сосуществовать втроем в вашей квартирке до поры до времени, то есть пока мне не предложат подходящий вариант жилья.

– Перестань мне выкать. Мы же друзья, не так ли?.. Уж не предлагаешь ли ты мне сожительство с тобой в полном смысле этого слова? – спросил он, с трудом улавливая смысл её речи.

– Ты же свободный мужчина, а я свободная женщина. Моя Машенька очень спокойная девочка. Я видела, с каким умилением ты смотрел на неё – значит, любишь детей, и она не будет такой уж тебе помехой.

– Я смотрел на неё так, потому что у меня самого есть почти такая же кроха. Твоя малышка напомнила мне мою Наденьку. Ей пять месяцев.

– Бывшая жёнушка совсем недавно родила от тебя ребёнка?.. Ей, наверное, уже под тридцать! – изумилась девушка.

– Женщины и после сорока рожают, а ей всего лишь тридцать один год. По сравнению со мной она совсем ещё молодая – мне-то уже тридцать семь стукнуло.

– А выглядишь гораздо моложе. Больше тридцати я тебе не дала бы, – польстила ему Алеся. – Это неважно, что ты гораздо старше меня. Я же замуж за тебя не собираюсь. Ты мне просто нравишься.

– Моему старшему сыну на днях двенадцать исполнится, а младшему – девять. Ты мне в дочки годишься.

Хотя голос Василия и звучал по-отцовски назидательно – его плотское желание давало знать. «А какой мужчина не возбудится от искушения прижать к себе упругое тело согласной доставить удовольствие молодежи», – подумал он, а вслух произнёс:

– В сумке бывшие в употреблении детские и женские вещи. Выбери, что подойдёт. Остальное выброси или пусти на тряпки.

– Вась, нам с Машенькой сейчас всё сгодится.

Алеся принялась выкладывать на постель аккуратно сложенные вещички.

– Какой замечательный костюмчик!.. Тёпленький и цвет мой любимый – нежно-розовый. Он почти новый! – восхитилась она, раскладывая крохотные мохеровые кофточку и штанишки,

– Клава сама его связала для нашей дочки. Обычно она надвязывает или перевязывает ставшие маловатыми детские вещи, а этот костюмчик решила тебе отдать. Ты и твоя малышка, по-видимому, запали ей в душу. Ей захотелось сделать вам доброе дело, – пояснил Василий, вынимая из шкафа свои рубашки.

– У тебя нормальная жена, да и ты очень даже ничего. У вас трое детей, а по-человечески не живёте, – высказалась Алеся. – Тебе не кажется, что так происходит, потому что вам не судьба быть вместе?

– Всё дело во мне: у меня проблема с верностью. С нами, мужиками, такое случается, только женщины не хотят понимать этого. Не каждая жена способна простить измену.

– Я бы на месте Клавы тебя простила, хотя бы ради детей, а вот парню своему спустить обиду не могу и не только из-за неверности. Когда у нас с Петром завязывался роман, он утаил от меня, что дома его ждёт невеста, с которой у него издавна близкие отношения и с которой он ведёт переписку. Если б я знала о ней, не сбежала бы с ним из дома за семь вёрст киселя хлебать! Я ведь не была тогда беременна. А ты в семью возвращаешься? – задала она риторический вопрос, увидев, как её покровитель достаёт из-под кровати чемодан.

– Алесь, я тут записал адрес квартирной хозяйки, – обратился к девушке Вася, подавая ей вырванный из блокнота листочек бумаги. – Она неподалёку живёт, у дочки. Обращайся к ней в случае надобности. За август проживание оплачено, так что следующий месяц можешь жить здесь спокойно. А решишь съехать – отнеси ключ по этому адресу. Я сообщу о тебе хозяйке. Ты не беспокойся, она женщина порядочная и на улицу тебя не выгонит. Вот возьми, – сказал он, всовывая ей в руку деньги. – К сожалению, у меня больше нет ни копейки.

– Вообще-то мне мой бывший оставил пятьдесят рублей, а ещё исполкомовские служащие обещали выделить некоторую сумму как погорельце, – смутившись, сказала Алеся не решаясь принять предлагаемые им его последние деньги.

– Бери-бери! – настоял он, почувствовав её сомнение.

– Спасибо большое. Не знаю, что бы я без тебя делала!
– Пожалуйста. И до свидания, – попрощался Василий.
– Я желаю тебе счастья, но всё же... если в вашей семье не сложится, буду рада твоему возвращению, – напутствовала его Алеся.

Дома он застал одного лишь Лёню.

– Пап, мы идём за грибами? – задал вопрос сынишка.

– Я ведь обещал, да?

– Тогда я сбегаю за Ниной. Ей разрешили пойти с нами.

– Может, сначала пообедаем?

– Мы же завтракали недавно! Я не проголодался.

– А мама где?

– Пошла с Надей на прогулку и за продуктами. Она, по-видимому, скоро придёт.

– Ну, иди, зови подружку, а я пока напишу записку, чтобы мать не волновалась за тебя.

Ну и приготовлю нам всем по парочке бутербродов на всякий случай да велосипедные камеры накачаю. Ну а вы проверьте крепки ли колёса на их транспорте. Ты поедешь на Нинином велосипеде, а она – со мной на багажнике.

Лёня помог подружке вынести велосипед на улицу и, оставив её у подъезда, вернулся домой.

– Пап, мы готовы! – крикнул он, входя в квартиру.

– Бери приготовленные кузовки для грибов и спускайся, – подал голос Василий, доставая из сейфа упакованное в чехол ружьё.

Проживая в чужой квартире, ему приходилось хранить его под замком в специальном тайнике в лесной избушке, а здесь держал в положенном для него месте.

– Ты не брал его раньше, когда шёл за грибами или орехами, —напомнил Лёня отцу, вошедшему в прихожую с зачехлённым оружием.

– Я думаю, после случившегося нам не помешает поостеречься.

Вскоре команда из трёх человек была в лесу. Велосипеды Василий занёс в лесную избушку.

– Сынок, ты помнишь, в каком именно месте тебе повредило руку? – тихо спросил он Лёню, искоса поглядев на девочку.

– Дядь Вась, Лёня рассказывал мне, что в него стреляли. Если вы думаете, что я испугаюсь, то я ничего не боюсь, находясь рядом с вами, – заявила Нина, поняв, что он осторожничает в подборе слов.

– Вот и правильно. Преступник сейчас не сунет в лес носа. В его интересах скрыться на какое-то время. Мы, собственно говоря, тоже не лыком шиты – у нас ружьё имеется.

– Пап, во время выстрела я находился между тем самым рвом и заросшим крапивой овражком, в котором прятался от преступника и руку перевязывал, – пояснил Лёня.

– А сможешь на месте показать точнее?

– Не знаю. Постараюсь. А зачем тебе это надо?

– Где-то там должны остаться пуля и гильза.

– Мы будем искать улики?.. Здорово! – вдохновился сынишка.

– Я думала мы идём за грибами, – разочаровалась Нина.

– В том месте, куда мы направляемся, растут осины да орешник. Маслят там точно нет, да и других съедобных грибов я не видел, —озадачился Лёня.

– В таких местах могут быть опята и подосиновики, но им, видимо, пока не время. Однако мы долго задерживаться там не будем. Оттуда до молодого сосняка рукой подать, так что маслят мы обязательно насобираем, – обнадежил девочку Вася.

– Ну да! Там-то я и напал на грибное место, – поддержал его сынишка.

Лёня остановил отца и Нину неподалёку от рва, где был обнаружен труп девочки. По его мнению, именно оттуда был произведён выстрел, потом он повёл их к месту, где его зацепила пуля. Гильзу они не нашли, но Василию повезло обнаружить в стволе молодой осины застрявшую пулю. Выковыряв и завернув её в клочок бумаги, он положил крохотный свёрточек во внутренний карман штормовки.

– Пап, а давай пройдем до моего дуба, прежде чем отправиться за грибами, – обратился к отцу Лёня. – Я забыл в дупле сумку с фонариками и перочинный нож.

– Золотко, как ты смотришь на это дело? – спросил Василий его подружку – Туда не менее получаса ходьбы, – предупредил он девчоночку.

– Ну, пойдёмте, – согласилась нехотя Нина.

Ей надоела ходьба по лесу. Девочка не желала зря тратить время, но дружок посмотрел так просительно, что она не смогла отказать.

– А вот и моё дерево! – сказал Лёня спустя минут сорок. – Пап, сможешь мне дотянуться до большой обломанной ветки?

– А не боишься сорваться с неё во второй раз?

– Ты же ведь меня подстрахуешь.

Василий поднял его высоко вверх, и сынок достал до нужного сучка руками. Парнишка подтянулся и ловко встал на него коленями. Перехватившись руками за крепкую верхнюю ветвь дуба, он посмотрел вниз. Его взгляд невольно зацепился на сломе отростка дерева, на котором стоял. В самой его сердцевине – о чудо! – блеснуло нечто жёлтое похожее на золото. Лёня едва не вскрикнул от восторга и изумления, но тут же умерил свой душевный порыв. «Вероятно, мерещится. Приду как-нибудь один и добуду то, чторосло в дереве», – решил он, не желая показаться смешным и глупым. Забрав из дупла вещи, мальчик с помощью отца благополучно спустился на землю.

– Сынок, ты чего там разглядываешь? – поинтересовался Василий, заметив, что Лёня внимательно осматривает слом поднятой с земли ветки дуба.

– Она не гнилая и не сухая. Как ты думаешь, почему обломилась?

– Ты же часто по ней лазил. Возможно, прыгнул на неё сверху и надломил. Дуб-то ведь древний, – высказал предположение Вася.

– Пап, ты же не позволишь его спилить? – спросил сын умоляющим голосом.

– Пока я работаю в лесничестве, твоего любимца никто не тронет, – успокоил отец парнишку.

Затем троица направилась туда, где Лёня приметил великое множество маслят. Они быстро нашли грибное место. И хоть времени было потеряно много, сбор получился богатый.

Клава и Александра извелись, переживая за ушедших в лес детей. Они как раз делились своими страхами, когда заскрежетал замок.

– Наконец-то! Мы уж думали, что вас волки съели! – воскликнул встретивший грибников у порога Вова, забирая у Лёни доверху наполненный кузовок.

– Ничего себе!.. Как минимум два ведра молоденьких маслят набрали! – изумилась подошедшая к ребятам Александра.

– Было больше. Мы часть грибов Ниночке отдали, – возгордился Лёня.

– Это правильно. С близкими друзьями делиться надо. Молодцы! – похвалила их Клавдия.

– А сама она сколь-нибудь набрала? – спросила мальчика Шура.

– Нина тоже постаралась на славу, но она ведь одна, а нас двое, – вмешался в разговор Вася.

– Тогда я иду заниматься грибами. Пока-пока! – попрощалась Александра и скрылась за дверью.

– Ну, сами насобирали – сами и чистите, – заявила грибникам Клавдия.

– Мам, может, ты нас с папой сначала накормишь? Мы умираем с голоду! – проявил недовольство Лёня.

Он до ужаса не любил обдирать плёнку со шляпок маслят.

– Разумеется. Вы славно потрудились, нагуливая аппетит. Я борщ сварила. А на второе приготовила ваше любимое картофельное пюре с котлетами и подливой, – обрадовала сынишку Клава. – Умывайтесь, переодевайтесь, а потом к столу пожалуйста. Я вам еду подогрею и салатик из помидоров сделаю.

Пока всем скопом управлялись с грибами, стало пора ложиться спать. Дети утомонились довольно быстро. Набродившийся по лесу Лёня уснул почти мгновенно.

– Сам постелешь себе или мне заняться этим? – спросила Клава расположившегося на диване Василия.

– А мне показалось, что у нас всё по-прежнему, что всё, наконец, наладилось. Я размечтался, что мы ляжем в одну постельку, что ты поможешь мне расслабиться, и мы займёмся любовью, – подосадовал он, оторвав глаза от экрана телевизора.

– Мы не можем заняться тем, чего нет между нами. А насчёт расслабления... Ты же справляешься с этим как-то, когда у тебя временно нет женщин, – съязвила она, стыдливо покрываясь румянцем.

– Неужели тебе не хочется почувствовать рядом с собой настоящего мужчину?

– Я другими заботами живу, – резко ответила Клава.

– Значит, ты не согласна, чтобы я остался жить с вами?

– Ты принял это решение совместно с детьми. Моим мнением никто не поинтересовался. Да и как я могу отказать сыновьям?

– У меня хотя бы есть шанс получить прощение и вернуть наши близкие отношения прежде чем я стану стариком-импотентом? – спросил Вася, посмотрев на неё испытующим взглядом.

– Для этого тебе надо влюбиться в меня и добиться моей взаимности, – высказалась с грустинкой Клавдия, тая свои чувства к нему.

Она положила ему на диван постельные принадлежности и скрылась в спальне, бесшумно притворив за собой дверь.

– Мам, угадай, кто к нам приехал! – воскликнул Лёня с напускной весёлостью, входя в спальню, где Клава готовила ко сну дочку.

– Неужели дядюшка Валера объявился? – спросила она наобум.

– Здравствуй, невестушка! – поприветствовала её появившаяся в дверях комнаты гостя, мать Василия.

– Здравствуйте, Алеся Прокопьевна, – улыбнувшись, поздоровалась Клава и, подойдя к свекрови, обняла, поцеловала в щёчку, хотя, как и Лёня, не была в восторге от её приезда.

– Я понятия не имела, что у меня появилась внучка, пока сестра в письме не уведомила, – выказала недовольство гостя, взглянув на невестку с укором. – Да она и сама-то узнала о пополнении в вашем семействе лишь месяц назад от приехавшего к ней пасынка Михаила.

– Разве Вася не сообщил вам о рождении внучки? – удивилась Клава.

– Он мне всего одну-единственную весточку прислал после их с Лёней отъезда. Написал, что добрались нормально, что дома у вас всё в порядке. Я-то вам за это время пять-шесть писем послала. Неужели ни одно не дошло?

– Письма мы получали. Я думала, Вася на них отвечает.

– А сама не могла пару слов черкнуть, чтобы я была в курсе ваших дел и не волновалась за вас?... Раньше-то ты изредка писала, мамулей меня называла! Что случилось-то?

– Ох!.. Мы так давно не виделись, что у меня язык теперь не поворачивается назвать вас мамой. Вы извините, но по имени и отчеству мне легче к вам обращаться.

– Зови, как хочешь, – с обидой буркнула Алеся Прокопьевна.

Клавдия и подумать не могла, что Вася не пишет матери. Она, не распечатывая, передавала с сыновьями все приходившие ему письма. Её удивляло, что они посылаются не на новый его адрес.

– Как добрались? – спросила Клава, нарушая тягостное молчание.

– Измучилась в дороге. Зря я из экономии плацкартный билет купила, – посетовала свекровушка, направляясь к детской кровати. —Как хоть внучку-то назвали?

– Надеждой.

– Девочка чудесная и имя замечательное. Она на Васю похожа. Сколько ей месяцев?

– Пять исполнилось двадцать третьего июля.

– На день Советской Армии мужу подарок, стало быть, сделала, – быстро сообразила Алеся Прокопьевна.

– Выходит, что так и есть, – согласилась Клавдия.

– А сам он где?.. Да и старшего внука не видно.

– Вася на работе, а Володя мяч с друзьями на стадионе пинает.

– За полдень перевалило. Обедать-то Василий, надеюсь, домой ходит? – спросила свекровь, взглянув на будильник.

– Нет, еду он с собой берёт. Домой Вася возвращается часиков в восемь, а то и около девяти. Придёт, поужинает, телевизор посмотрит и спать заваливается. Он мало бывает дома, даже выходные редко устраивает на весь день.

Под тихое бормотание взрослых малышку в кровати сморил сон.

– Уснула ангелочек, – с умилением заметила бабка.

– Пойдёмте, пообедаем на кухне, потом освежитесь в ванной, отдохнёте с дороги. А там и сынок ваш вернётся, – предположила невестка.

За обедом Алеся Прокопьевна поведала ей о своих планах на ближайшие две недели, затем распаковала багаж с одеждой, подарками и гостинцами и лишь потом отправилась принимать ванну, а помывшись, прилегла на постеленный ей для отдыха диван и проснулась только с появлением сына.

– К нам моя матушка приехала? – изумился Василий, увидев лежащую на диване гостью.

– Пришлось, – сказала мать, принимая сидячее положение.

– Здравствуй, мам! Ты чего не предупредила о своём приезде? – спросил Вася и поцеловал её в щёчку. – Я бы взял выходной, встретил бы тебя на вокзале.

– Рассчитывала застать вас врасплох. Хотела узнать всю подноготную вашей семейной жизни. Вы ведь от меня всё скрываете. За целый год ни одного письма не прислали! У меня появилось опасение, что ты не живёшь со своей семьёй. Ты ж говорил, что вы с Клавой поссорились перед твоей поездкой ко мне. Я всю голову сломала, раздумывая всё ли у вас в порядке, а уж когда Оксана сообщила мне о родившейся внучке, не выдержала и решила явиться к вам неожиданно-негаданно. Как раз к семейному празднику подгадала. Вы собираетесь справлять дни рождения сыновей в один день?.. – поинтересовалась Алеся Прокопьевна. – Кстати, я ещё старшенького внука не видела.

– Здравствуйте, бабуль. Я давно уже дома. Мама сказала, что вы устали с дороги, и мы старались не разбудить вас, – высказался Вова, выходя из спальни с сестрёнкой на руках.

– Ох!.. Как вырос-то, как вырос! Совсем большой стал! Какой молодец вымахал! – воскликнула бабка, поднявшись с дивана.

Она поцеловала любимого внука и внучку в щёчки.

– Вообще-то мы не собирались устраивать настоящее торжество, просто я пообещала мальчишкам собрать для них и их близких друзей праздничные столы: для Лёни – завтра, а для Вовы – десятого. Но поскольку к нам приехала желанная гостья, мы пригласим всех их товарищей в один день, да и для взрослых организуем застолье, – ответила на вопрос Клавдия. – Думаю, надо позвать Петряковых и Алексаниных. Собираться придётся часиков в шесть, ведь

десятое число – будний день. К тому времени мальчики разойдутся, а старшие гости успеют переодеться после работы и к нам прийти.

– Ну а до этого праздника я хочу навестить сестру, – уведомила Алеся Прокопьевна сына. – Ох!.. Что-то нехорошо мне стало. Сынок, нет ли у вас каких-нибудь капель успокоительных или таблеток? – простонала она, схватившись за сердце.

Василий выразительно посмотрел на Клавдию.

– У нас ничего такого нет. Сходи к Апексаниным. У них, возможно, найдётся подходящее лечебное средство, – ответила она на молчаливый вопрос мужа.

Василий сбегал к друзьям, принёс валерьяновые капли.

– Перенервничала я, по всей видимости, – сказала Алеся Прокопьевна, приняв лекарство.

– Мам, с чего тебе нервничать?.. Ты никогда не жаловалась на сердце, а нервам твоим всегда позавидовать можно было.

– Забыл, как я в обморок в прошлом году свалилась!.. – напомнила она сыну с укором. – Я с каждым годом не молодею. Мне за шесть десятков перевалило!

– Вот именно – всего лишь шесть десятков. Тебя ещё замуж выдать не поздно.

Предоставив свекрови общаться с сыном и внуками, Клава направилась на кухню, чтоб собрать на стол ужин для взрослых. Детей она уже накормила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.